БАНКА

Николай Иванов

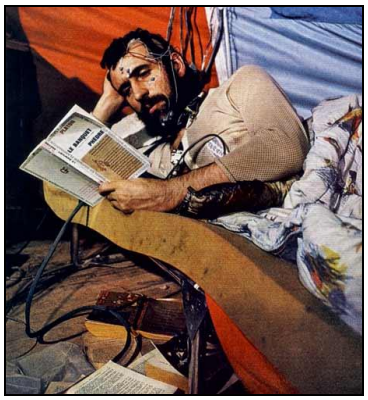
Прелюдия

— Но это факт?
— Нет, это не факт.
— Это не факт?!
— Нет, это не факт. Это гораздо больше, чем факт. Так оно и было на самом деле.
Из к/ф «Тот самый Мюнхгаузен»

Вагонные споры, как известно, - дело последнее. Поэтому, возвращаясь из очередной экспедиции на верхних боковушках в разных частях плацкарта, всегда найдешь место, где можно вместе посидеть, методично и с удовольствием оттягивая момент, когда пить больше будет нечего.

- Да, кстати, - говорит мне молодой, но уже далеко не «зеленый» спелеолог Фёдор, рассматривая цветную пивную жестянку в своих руках. - Есть такая пещера - Банка. Нижний вход в систему Снежная, между прочим. Её недавно *** с англичанами раскопал.

При этом он называет фамилию спелеолога очень известного, но не имеющего (по крайней мере, пока) отношения к исследованиям пещер Хипстинского массива. От изумления я чуть не захлёбываюсь пивом. Однако! Неожиданная интерпретация событий. Даже вспоминается не слишком приличный анекдот про сидящего на суку Гоголя. Откашливаюсь и, вопреки собственной скромности, объясняю Фёдору, как всё было на самом деле.



Мишель Сифр

Про свою скромность я расскажу одну историю, и вам всё сразу станет понятно. Собирался я как-то на конгресс спелеоподводников в далёкую Францию. В первый раз в настоящую заграницу, между прочим. И решил сделать доклад на этом конгрессе про достижения наших подводников в глубочайших пещерах. С иностранными языками у меня, правда, не слишком блестяще, но это ни капли не смущало. Помнился эпизод из книги Мишеля Сифра (французский спелеолог такой, ставил на себе и других многомесячные эксперименты под землёй), где он выступал с докладом перед англоязычной аудиторией, почти совсем при этом не владея английским. Как утверждалось в книге, доклад удался. «Чем я хуже Сифра?» - резонно рассуждал я.

Долго думал, на каком языке лучше рассказывать. Французский в школе изучал, английский – на бесплатных курсах на работе. Остановился на английском. Ну, чтобы быть понятным более широкой аудитории. Конгресс-то международный. Составил текст с помощью электронного переводчика. По совету более опытных товарищей распечатал несколько экземпляров, чтобы раздать потом тем, кто опоздает на выступление или по каким-либо другим причинам не сможет вживую насладиться моим рассказом. Оставалось только всё это дело выучить. Времени до конгресса было ещё недели две, более чем достаточно для разучивания пяти страниц, и я с чистой совестью полетел нырять в пещерах Лота. Надо ли говорить, что заняться докладом руки у меня дошли лишь за час до выступления. О том, чтобы рассказать его наизусть, речь уже не шла. Но не беда – можно же с листа озвучить с выражением. Дорогой Леонид Ильич, вон, сколько лет всё по бумажке читал, и ничего. Чем я хуже Брежнева?

Леонид Ильич Брежнев

Уговорил я своих более-менее изъясняющихся на английском соотечественников быстренько послушать меня (ну мало ли, может, где-то там прононса стоит добавить) и начал зачитывать текст. Через минуту выяснилось, что меня не понимают даже русские. Буквально каждое слово я произношу катастрофически неправильно. Отменять выступление было уже поздно. Да и нельзя – на кону честь всей страны, в конце концов. Наши, как известно, не отступают. В воздухе отчетливо запахло большим международным скандалом.

Летс ми спик фром май харт ин инглиш

В помощь докладчикам организаторы выделили симпатичную девушку-полиглота, синхронно переводящую с английского, немецкого и итальянского на родной французский. Пробил час Х. Я бодрым шагом вышел к экрану, запустил первый слайд и громко начал свой рассказ. В первые же секунды глаза девушки-синхронистки округлились от ужаса. Она меня не понимала! Честь страны-организатора конгресса внезапно оказалась под угрозой. Я протянул трясущейся француженке распечатанный экземпляр своего произведения. Глаза её ещё несколько мгновений жалобно моргали, но потом взгляд уцепился за английский текст и вновь обрёл осмысленность. Девушка успокоилась, озвучила первую фразу по-французски, посмотрела на меня. Аудитория с интересом (или из вежливости) молчала. И мы с миловидной блондинкой невозмутимо продолжили доклад. Какое счастье, что рядом оказалась эта смышлёная барышня! И что французы в общей своей массе принципиально не владеют английским языком. А те, которые владеют, наверняка не поняли, что оригинальный доклад был именно на английском. Европа большая и многонациональная, пойди разберись, что там румыны (или как их там, этих нефранцузов? русские? да какая разница?!) по-своему лопочут. В результате, не посрамив своих отчизн, как и положено, мы с девушкой сорвали бурные аплодисменты. Не знаю как насчёт Брежнева, а Сифра-то мы с ней вдвоём тогда точно переплюнули.

Так вот, повторюсь, вопреки собственной скромности, рассказал я Фёдору в плацкартном вагоне Сухумского поезда, что в действительности Банку «прокопала» московская команда под руководством Алексея Шелепина. Что случилось это не сразу. А потребовалось ни много ни мало шесть лет, двенадцать экспедиций. В половине из которых, между прочим, мне довелось участвовать. Ну и так далее. Мы не слишком громко трубили про Банку на каждом углу и не заваливали социальные сети эмоциональными впечатлениями от рутинных вылазок на Хипсту. Поэтому часть спелеологической аудитории оказалась не в курсе, что вообще где-то что-то происходило до появления известия о нижнем входе в Снежную. А недостаток первичной информации при необходимости легко восполняется домыслами, перерастающими в странноватые легенды.

И тогда же в поезде я понял, что нужно уже написать что-то о прохождении этой пещеры, чтобы больше ни у кого не возникало вопросов кто, когда и как. Чтобы не приходилось каждый раз насиловать свою врождённую скромность. Да и память – штука не совсем надёжная. Со временем часть событий могут забыться. Или «переосмыслиться» и обрасти подробностями, которых и не было совсем. Словом, получив индульгенцию от

Лёши Шелепина, главного героя соединения Банки со Снежной, сел я за сочинение этого текста.

Шесть лет – срок немалый. Много чего может произойти в жизни человека за это время. А уж мыслей пронестись в голове – и подавно! Поэтому и рассказ о Банке (разумеется, с колокольни или, если угодно, через призму сознания автора) получился не такой уж и маленький. Надеюсь, не слишком занудный – с лирическими отступлениями. Из песни ведь слова не выкинешь. Как говорил герой Джерома К. Джерома: «Что поймано, о том и рассказано. Главное – правдиво».

Герои и думы

> Ёжик, тебе не кажется, что жизнь стала какая-то… какая-то обыкновенная! Ничего не происходит! Да и мы уже давно ничего не делали великого… Может, пойдем в поход? В поход! На северный полюс! На сломанных лыжах! М-м-м-м-м!
>
> *Крош, м/ф «Смешарики»*

Чтобы любой сразу понимал, о каких высоких материях идёт здесь речь, скажу буквально пару слов о Снежной. Текст ведь этот может попасть в руки совершенно не знакомому с историей отечественной спелеологии человеку. Так вот, Снежная – легендарная пещера. Даже пещерная система. Находится она в Абхазии, на Хипстинском массиве (Раздельный хребет). Третья по глубине пещера Мира на настоящий момент, между прочим! Амплитуда 1760 метров, а протяжённость ходов более 30 км. А пару раз такое было, что и на второе место поднималась. Когда-то (да и сейчас наверняка) только ленивый отечественный спелеолог не мечтал побывать на её дне. Ну, или хотя бы просто «отметиться» в этой пещере. История её исследования велика. Полна знаменитых имён, подвигов и героизма, дружбы и соперничества. Местами противоречива и даже трагична. Всем интересующимся данным вопросом настоятельно советую обратиться к первоисточникам. Не пожалеете!

Хипста, Иллюзия, декабрь 2007

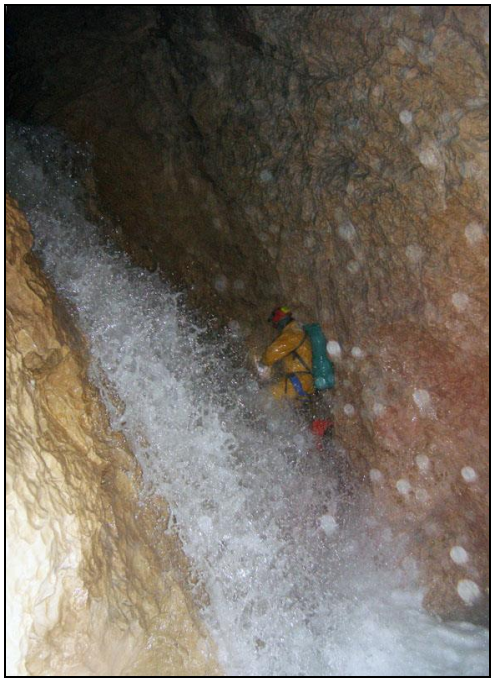
А лично для меня началось всё, пожалуй, девять лет назад, в ноябре 2007, когда мне в составе группы Юрия Евдокимова повезло участвовать в первом спуске на дно Снежной через пещеру Иллюзия, расположенную на 400 м выше классического входа. Несколько месяцев назад Иллюзия была соединена на глубине 800 м с пещерой Меженного (второй по времени открытия вход), став таким образом верхним (третьим по счёту) входом в пещерную систему Снежная, что вывело её на второе (на то момент) место в списке самых глубоких пещер мира. Классический вход тогда наглухо завалило лавиной, а через

Меженного спускаться – то ещё удовольствие (узко – брр!). Так что недавнее соединение с Иллюзией пришлось весьма кстати.

Спелеология – переноска тяжестей в условиях, для этого не предназначенных

Тогда мы ходили на дно двумя совершенно отдельными параллельными, но часто пересекающимися группами. Первая группа: физтехи Юра Евдокимов и Саша Измайлов, Гоша Сапожников из Екатеринбурга, Юля Лозова (Симферополь) и я. Вторая группа: москвичи Татьяна Немченко, Александр Дегтярёв, Дмитрий Ртищев и Андрей Полушин. Наша группа (Евдокимова) исповедовала альпийский стиль перемещения по пещере. Челноченье туда-сюда с парой трансов на человека, восьмичасовой рабочий день, только экологически правильный электрический свет и т.п. Группа Дегтярёва придерживалась проверенной гималайской тактики. Долгие переходы (если надо, то и суточные) от лагеря к лагерю сразу со всеми вещами, регулярные днёвки в ПБЛе (подземном базовом лагере), несколько тяжёлых мешков карбида с собой для освещения и т.п. Справедливости ради надо отметить, что, несмотря на столь разные стили подземной ходьбы, стартовав с поверхности одновременно, в зал ИГАН (это уже недалеко от дна пещеры) обе группы спустились в один и тот же день.

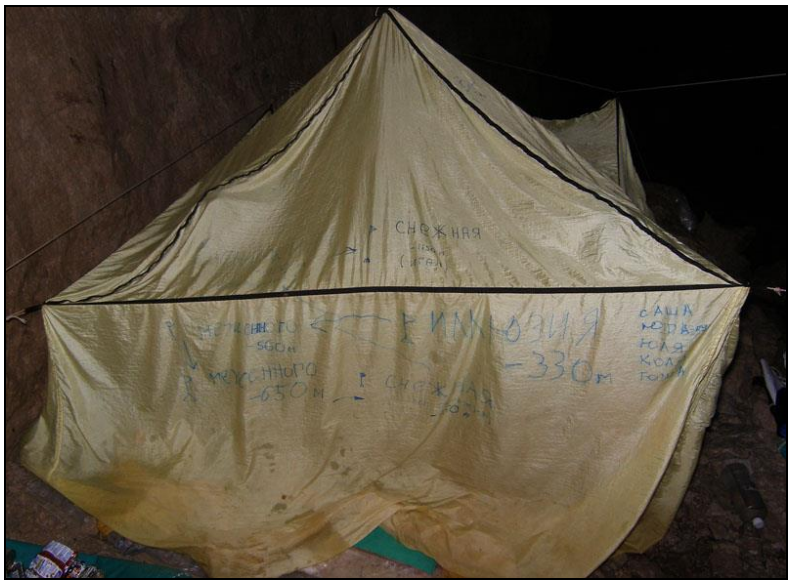
Вертолётная заброска на гору и сброска вниз после экспедиции. Ровно три подземных недели. Из них десять долгих дней - путь до зала ИГАН. Одиннадцать лагерных площадок, четыре из которых мы построили «с нуля». Бесконечное челночение с трансами и поиски верной дороги. Настоящая пещерная река, водопады на скалолазных уступах, длинные заплывы с мешками, узости. Неудобные навески - иногда казалось, что это какой-то переходный вариант от двухверёвочной техники к SRT (современная одноверёвочная техника), когда навеска делается ещё также, но вторая верёвка уже не используется. Огромные пещерные объёмы, в которых как бы «растворяются» раритетные не то помойки, не то запасники музея советской спелеологии времён покорения Снежной. Впечатлений от той поездки было, конечно же, выше крыши.



Подземная река

Юра Евдокимов тогда, помнится, в итоговом докладе об экспедиции в РГО (Русское географическое общество) громко и без ложной скромности назвал наше путешествие самым сложным маршрутом в сухопутных пещерах бывшего СССР, а то и всего мира, сравнив его с прохождением двух с половиной Крубера-Вороньих или четырёх Напр (пещеры такие в Абхазии, глубокие). Без донных сифонов, конечно.

Возможно, возможно… Мне лично из той поездки, помимо прочего, запомнилось две мысли. Если можно, конечно, так сказать. Скорее, я сделал два важных для себя вывода.



Палатка в зале ИГАН

Первая уверенность пришла в зале Икс (это ещё ближе ко дну, чем ИГАН), что неизмеримо трудно, в первый раз проделав путь от верхних входов в донную часть Снежной, творчески искать там продолжение пещеры. Главное в этом случае - дойти, привыкнуть, осмотреться. Некоторые заслуженные исследователи Снежной считают дно этой пещеры Полюсом Недоступности Земли. Тут, конечно, можно поспорить. Приходилось бывать и в не менее «недоступных» пещерных местах. Но нельзя не согласиться с тем, что путь до дна Снежной далеко не прост. И чтобы эффективно работать на продолжение, нужно не единожды побывать там, из раза в раз повторяя этот подвиг-путь. Причём, для повышения шансов на успех нужно планировать провести на дне не несколько дней, а более существенное время экспедиции, ловя компромисс между числом дней-участников и количеством транспортных мешков. Работа очень достойная и даже героическая. Но коэффициент полезного действия (КПД) таких трудов, если считать отношение времени-сил-средств к достигнутым результатам, к сожалению, крайне низок. Вот если бы попадать в залы ИГАН или Икс как-нибудь побыстрее…

Мысль, в общем-то, не оригинальная и далеко не новая. Тогда прямо в ПБЛ-ой палатке в зале ИГАН я узнал от Татьяны Немченко (одной из легендарных и в то же время современных исследователей этой пещерной системы) о том, что Снежная практически на всём своем протяжении «идёт» метрах в 600-800 под поверхностью склона, о перспективах Каньона-Самохвата, о работе в Ветерке (опять-таки абхазские пещеры, не очень глубокие пока, но многообещающие), и о многих других интересностях недр Хипстинского массива. Но, искренне рождённая глубоко под землёй, выстраданная через боль и пот, мысль эта приобрела особый оттенок истинности и заняла в моём сознании более высокий приоритетный уровень, чем, возможно, услышанная от других или даже самостоятельно вычитанная в умной книжке. Это как, сложив счётные палочки в первом классе, убедиться, что два плюс два действительно получается ровно четыре. Или как, будучи постарше, посветив на уроке физики фонариком на одну чашу весов и увидев их движение, по-настоящему поверить в корпускулярно-волновой дуализм природы света.

Вторая яркая мысль была не о пещере, а о делах рук человеческих. Протискиваясь как туго набитый мешок по трубе мусоропровода вниз через узкий, впритык в размер человека, вертикальный колодец во входной части Иллюзии (с -40 до -90 м), тот самый, за три недели пробив который, команда под руководством Лёши Шелепина, собственно, и «пошла» Иллюзию, я подумал: «Насколько же титаническая работа тут проделана!» Настоящий памятник человеческому упорству. И какого уважения достойны люди,

затеявшие и завершившие сей труд! Конечно, я раньше слышал об этом достижении, но, как известно, лучше один раз увидеть.

Прошло время. На дно Снежной через Иллюзию после ноября-декабря 2007 ходили лишь несколько раз. Протаял, наконец, основной вход, закрытый до этого мощной лавиной, а через него путь на дно существенно ближе. Но особенно ценно, что именно экспедиция через Иллюзию зимой 2008-2009 гг. достигла, наконец, новых результатов. Группой Дегтярёва в завале Метростроя, лет двадцать бывшем самой дальней точкой полости, был пройден ход в новую часть пещеры, открыты Тронный зал (самый крупный в Абхазии, между прочим) и озеро Морозова. А дальше - пошло-поехало… Честь и хвала отважным первопроходцам! Полюс Недоступности Снежной стремительно переместился вглубь пещерной системы.

Татьяна Немченко и Александр Дегтярёв

Полюс Недоступности в пещерах. Как всё-таки технические средства меняют это понятие! Горизонтальный тоннель с поверхности в зал Верна пещерной системы Пьер-Сен-Мартен (есть такая на границе Франции и Испании) существенно (не то слово!) «приблизил» её дно. Да что там за примерами далеко ходить! Вот скажем, в нашей родной Абхазии. «Рукотворное» соединение пещеры Акшаша с пещерой Мчишта сделало исследование сифона Петра Великого (протяжённый и глубокий, всё по-серьёзному) в последней не такой уж и заоблачной задачей, доступной только ограниченному кругу самых-самых квалифицированных спелеоподводников. А последующее через некоторое время открытие Верхней Мчишты, а следом и Северной реки за ней, сделали обнаруженную чуть ранее и до конца неисследованную «сухопутную» часть за сифоном Петра Великого красивым памятником силе человеческого духа и пещерного героизма. Тогда «сухопутчики» вышли на реку чуть выше по течению от сифона Петра Великого. Остались, конечно, и пропасть Берже (Франция, Веркор), и Илюхинская (Абхазия, Арабика), и ряд других пещер со своими Полюсами Недоступности. Но там всё-таки глубинные сифоны – это совсем другой уровень…

Закончу я, пожалуй, на этом месте приводить пояснения к географическим объектам, чтобы не раздувать без того немаленький текст. Будем считать, что тем, кто «в теме», ничего пояснять не надо – и так знают. А если случайный человек дочитал до этого места и не уснул, то ему при желании хватит сил поинтересоваться на стороне, какие пещеры или массивы упоминаются далее. По-моему, вполне справедливо.

Другим путём

Ходы кривые роет
Подземный мудрый крот.
Нормальные герои
Всегда идут в обход.
Бармалей и К°, к/ф «Айболит-66».

Параллельно с героическими походами разных групп в Снежную, Лёша Шелепин затеял новый проект – нижний вход. В зоне леса прямо вдоль дороги на альпийские луга Хипсты есть некоторое количество воронок с сильной встречной летней тягой воздуха. Дует из пещеры летом – значит это нижний вход в пещерную систему. Дует в пещеру – верхний. Сопоставив этот нехитрый факт с поверхностной привязкой пещерных ходов массива, легко прийти к практически очевидному выводу: ветер в этих воронках по дороге на Хипсту дует непосредственно из Снежной, с глубины примерно -600 м.

Пару раз в РГО я слышал доклады Лёши о работе в одной из таких пещер с рабочим названием «На Банке» или просто «Банка». Из рассказов следовало, что в этой пещере сначала пробились через глыбовый завал с поверхности до глубины -20 м. Потом спустились до -63 м на некое дно с песочком и листьями. Но тут вдруг выяснилось, что это самое что ни на есть паводковое русло, очень быстро затопляемое после летних ливней. Забросили его, решили идти навстречу тяге воздуха, разрабатывая узкую щель в стене на глубине -20… Честно говоря, мне очень хотелось поучаствовать в настоящей проходческой экспедиции. Посмотреть на работу передовых «инженерных» специалистов, поднабраться соответствующего опыта. Ну и поспособствовать хорошему делу по мере скромных сил. Делу с далёкими, но всё-таки явными перспективами. Тем более, стремительное прохождение Банки в настоящий момент несколько застопорилось, и дополнительная пара рук (почему бы не моих?) не помешала бы. Да и от Лёши вовремя поступило соответствующее предложение. Рабочие руки никогда не бывают лишними. Даже если пещера валит вниз. А уж если затык, то и подавно.

Алексей Шелепин у входа

Так в начале июня 2011 года я впервые оказался на Хипсте в зоне леса, в уже 4-ой по счёту экспедиции Шелепина на Банку. Было интересно. Новый район работ, новые люди, новый стиль организации экспедиции. О людях я расскажу чуть-чуть подробнее. Они того стоят, поверьте!

Алексей Шелепин – настоящий профессор, доктор физ.-мат. наук, преподаватель. Когда-то - член спелеосекции МГУ. Участник и руководитель экспедиций на Хипсту, Загедан, Фишт. Один из идейных вдохновителей и основных движущих сил

прохождения пещеры Акшаша. Руководитель проходческих экспедиций в Иллюзию, соединивших её со Снежной. Один из координаторов исследований пещеры Кизил-Коба. И прочая, и прочая, и прочая… Как-то раз, в уже вполне зрелом возрасте, бежал Лёша по Битцевскому лесопарку в сторону МКАДа, тренируясь перед очередной поездкой на Кавказ. Вдруг без всякой видимой причины он внезапно остановился. Огляделся вокруг: золотая осень, погожий день, чудесная природа… «А куда я, собственно, бегу?» - подумал Лёша. И с той самой минуты прозрения он перестал не только бессмысленно напрягаться, но и даже беспокоиться о вещах, о которых можно не беспокоиться вовсе. Автоколебательный процесс в замкнутой системе требует лишь минимального (но правильного!) внешнего воздействия для своего поддержания. Всё само собой образуется. Если должным образом запущено, конечно... Лёша - сторонник анархического стиля организации спелеологических экспедиций. Не юношеско-революционного, с непременным свержением устоев и авторитетов, публичной неравной борьбой с «притеснениями», с размахиванием чёрными знамёнами. Нет. В духе позднего Кропоткина: делай что хочешь (умеешь, можешь) на благо общего дела; не делай того, что не хочешь; не мешай другим делать то же самое; не забывай про этику. В Лёшиных экспедициях нет ни централизованной раскладки, ни даже предварительного плана работ. Между тем, еды всегда хватает, идей и средств для их осуществления - тоже, а значительные результаты достигаются не так уж и редко.

Роман Семёнов. Первые метры Банки

Рома Семёнов – один из постоянных участников Лёшиных экспедиций. Именно ему посчастливилось быть первым человеком, с перфоратором наперевес спустившимся из Меандра Рваных Ж пещеры Акшаша в зал Кра-Кры пещеры Мчишта, соединив их таким образом в одну систему. Рома в своё время «рубил» Иллюзию, участвовал в её соединении со Снежной. Отснял там массу видеоматериала и принимал активное участие в создании фильма об этой пещере. Весёлый искренний человек с отличным чувством юмора. Рома находится в постоянном поиске себя, регулярно и с легкостью принимает решения, кардинально изменяющие его жизнь. То в зрелом возрасте увлечётся вдруг спелеологией, то уедет на постоянное место жительства в Абхазию или Камбоджу, то с первой сединой поступит на первый курс медицинского колледжа, то, сметя стаканы со стола, начнёт бегать марафоны. Спокойствие (в смысле - покой) ему чуждо.

Валера Столярук – тоже Лёшин соратник. Добродушный гигант, своим внешним видом (бритой головой, небритым лицом и богатырским телосложением) очень напоминающий «братка» из лихих 90-х. У Валеры есть несколько интереснейших историй о своей весёлой молодости. На вопрос, как же ему при всём при этом удалось благополучно дожить до наших дней, Валера отвечает: «Проснулся я однажды утром и вдруг понял, что как-то неправильно я живу». И начал он новую жизнь с чистого листа.

Валерий Столярук

Занялся спелеологией и фармакологией. К началу нашего знакомства Валера уже вовсю защищал кандидатскую диссертацию о кардиотропных свойствах афобазола.

Оксана Кравцова – умная и жизнерадостная девушка. Создавалось впечатление, что это именно она привела Валеру в спелеологию.

Андрей Шувалов – взошедшая и заматеревшая уже звезда МГУшной спелеологии. Руководитель героических экспедиций в Снежную.

Антон Тарский (Строрри) – хитрый якут из клуба МГУ. По его словам – авторитетный сьяновский катакомбщик. Под землю, правда, в ту экспедицию Антон практически не ходил. Да и поверхностными пещерными делами тоже не занимался. А вместо наличных денег у него было штук пять часов Cassio (новых, в коробочках), которыми он пытался активно торговать или расплачиваться за услуги.

Ну и, конечно же, Гурам Тания – наш абхазский друг, житель посёлка Дурипш. Гурам не только гостеприимный хозяин, гарант безопасности и человек, обеспечивающий подъём экспедиционного груза в гору лошадьми. Он, что не часто встретишь среди местных жителей, искренне интересуется пещерами. Знаток здешних мест, Гурам время от времени показывает спелеологам новые интересные входы и даже спускался в Снежную до Университетского зала. В этот раз Андрей Шувалов привёз в подарок Гураму новую бензопилу. С её помощью они вместе из буковых брёвен и досок, собственноручно сделанных из этих же брёвен, построили в лагере отличный стол, ставший центром композиции этой и всех последующих экспедиций.

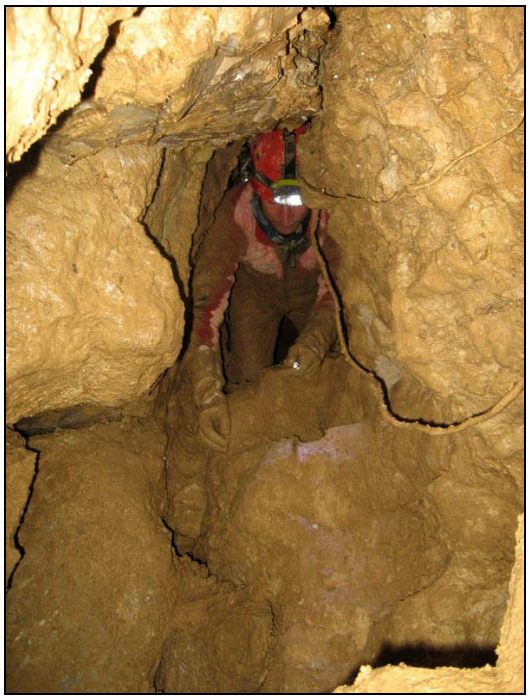
Так, с людьми в первом приближении закончили. Организацию тоже помянули. Теперь самое время немного остановиться на районе и объекте работ. Приведу, пожалуй, здесь дословно рассказ Лёши о первых шагах исследования Банки.

«Воронка, на дне которой расположен вход в пещеру, находится непосредственно на тропе, ведущей из села Дурипш на луга, и в частности, к Снежной, чуть выше плоской поляны, называемой спелеологами Банкой. В сильный дождь воронка имеет солидный поверхностный водосбор - вся вода, собирающаяся в ручей, текущий по дну небольшой балки, по которой идёт тропа, исчезает в этой воронке. Очевидно, она привлекала внимание многих спелеологов. Что касается меня, то я лет десять, проходя мимо, думал, что хорошо бы туда заглянуть, но что по пути вверх, что по пути вниз, мешали тяжёлая ноша и обрывистые края воронки.

Наконец, в августе 2009 г, спускаясь с лугов, мы специально оставили один день на её осмотр. Как потом выяснилось, эта воронка имеет абхазское название "Шлан ичан тыцсырта" - [место], где умерла лошадь Шлана. Много позже путь лошади Шлана, упав с тропы в воронку, повторил буйвол Гурама Тания. Однако он не получил существенных

повреждений, и на следующий день Гурам пришёл с лопатой, прокопал в борту воронки тропинку и вывел буйвола. Тяга к неизвестному подвела и меня к обрывистому краю воронки, и я уж совсем, было, собрался съехать вниз по пути буйвола и лошади, но тут товарищи указали мне на наличие таинственной тропинки в другом борту. Из камней на дне сильно дул холодный ветер. Пройдя несколько метров между глыбами, мы тогда дошли до 4-метрового уступа с узким входом, расширяющимся бутылкой. Верёвки не было, и спуск был отложен до следующего года…»

В июньской экспедиции 2011 мы работали сразу по нескольким объектам, начиная от дыры чуть выше входа в будущую Банку и до уровня Лужи (место такое характерное, по высоте метров на 300 ниже). Дыра под условным названием «на Банке» была основным объектом. Поначалу совсем небольшим – путь от входа до забоя занимал около 5 минут. Между глыб спускаешься в некое подобие грота. Если это название, конечно, применимо к внутризавальным пустотам. Потом через узкий вертикальный калибр, периодически засыпаемый принесёнными паводком песком и листьями, по верёвочной лестнице, связанной Шуваловым по хитрой альпинистской технологии, попадаешь в следующий «грот». Затем чрез следующий калибр – в третий. Дальше, на глубине примерно -20 м, появляется уже одна коренная стена, приводящая мимо актуального на тот момент забоя прямо на «старое» паводковое дно пещеры на -63 м. За горизонтальной расширенной до размеров человека (на уровне его почти по пояс) щелью в стене на отметке -20 м встречается некое подобие следующей камеры. За ней, через очередную небольшую щель-ход – следующая камера, заполненная обвальными отложениями (попросту – разного размера камнями).



Андрей Шувалов. Банка, июнь 2011

Про эту камеру есть у Лёши отдельная история. Сначала камеры-то никакой и не было. Вместо неё был лишь узкий ход, за которым виднелось продолжение вниз. Вниз, конечно, всем хотелось поскорее попасть, но Лёшу смущала некая «Поганка» - две небольшие глыбы. Одна заклинена вертикально, а другая горизонтально – на гриб похоже. Заклинены они с виду прочно и хорошо, но нависающая над будущим проходом к центру Земли шляпка этого гриба смотрится неприятно. Да и ножка тоже мешает, полезный объём от прохода сильно скрадывает. Решил Лёша этот гриб убрать. Начал с ножки. Шляпка, как и предполагалось, тоже упала вниз. А следом упало вниз и всё, что до этого покоилось на ней тысячелетиями. Сколько смогло осыпаться откуда-то сверху из недр потолка – осыпалось. Проход завалило. Начали его разбирать, а камни всё сыпались и сыпались. На этой фазе я и подключился к работе в Банке.

Помню, Лёша тогда из-за угла очень осторожно ковырял длинной фомкой нависающие с потолка камни. Они, конечно же, громко падали вниз. Потом, измельчив предварительно крупные обломки, Лёша передавал их мне, сидевшему в межщелевом объёмчике чуть ближе к выходу. Моя задача была выбрасывать всё это дальше, за первую

щель, так как гротик, в котором я находился, нужно было сберечь для складирования возможных камней из более глубокой части пещеры за «поганистой» камерой. Причём не просто выбрасывать, а складывать аккуратно, чтобы максимально рационально использовать имеющийся там свободный объём. Как я ни старался укладывать камни впритирку, через пару рабочих выходов широкий проход на старое дно пещеры оказался почти полностью заложен. В конце концов состояние потолка Лёшу устроило (упало всё, что могло упасть). Когда-то узкий проход стал настоящей камерой трёхметровой высоты, и стало возможным спуститься дальше вниз по неширокой вертикальной щели. Она оказалась пятиметровой. Тут-то, на глубине -25 м, пещера раздвоилась, а потом и растроилась.

Первое направление, почти без тяги воздуха, но самое широкое и проходимое для человека – вертикальный колодчик вниз - Андрей Шувалов быстро заткнул: «Тупик бесперспективный».

Гурам Тания

Стали копать прямо вниз по тяге. Вскоре ветер весь повернул под одну из боковых стенок. И ровно в этот момент под другой стенкой открылась щель, откуда практически не дуло, но запущенные камни улетали куда-то далеко вниз. Направление с сильной тягой представляло собой узкий лаз в некий объём, который был перекрыт завалом изнутри. Вход в заваленный грот, как самый сложный объект, взялся было разбирать Лёша Шелепин. Благо добытые из залазового завала камни никуда далеко тащить уже было не надо, они отлично уходили в заткнутый Шуваловым тупиковый колодчик (его впоследствии полностью заложили и благополучно забыли о существовании этого направления, когда-то бывшего «первым»). Но на полный разбор и дальнейшее прохождение лаза с сильной тягой в ту экспедицию времени так и не хватило. Всё внимание и ресурсы вскоре переключились на новую ветку.

Наклонная щель, куда красиво улетали камни, как самое очевидное и безопасное направление досталось молодым, не таким матёрым как Лёша проходчикам. В том числе и мне, прямо скажем, проходчику начинающему. Достаточно быстро эту щель удалось расширить до человеческих габаритов, и буквально через полтора-два метра она привела нас в объёмный вертикальный колодец. В верхней части в нём ещё присутствуют фрагменты входного завала, но метров через 15 вниз это был уже вполне себе пещерный колодец с монолитными стенами. На дне колодца, как и стоило ожидать, оказался глыбовый завал. Но в одном из углов под большущими камнями явно просматривалось продолжение вниз. Рома с Валерой за один выход разобрались с этим завалом и спустились ещё на 25 м до дна следующего колодца. А потом спустились ещё на 3 м с уступа и упёрлись-таки в узкий меандр (нога уже не пролазила), из которого шла тяга. В паре метров впереди в полу меандра просматривалась щель. Конечно же, стали кидать

туда камни. Если в щель удавалось попасть удачно, то можно было с удовольствием слушать, как камни, время от времени стуча по стенам, в конце концов с гулким эхом падают на дно чего-то объёмного. Засекали по секундомеру, прикидывали глубину неведомой вертикали – от 50 до 150 м выходило. Уровень старого дна (-63 м) был уже слегка позади. И ура! Есть новая глубина. Пока только теоретически, конечно. Теперь только бы дотянуться до неё!

Лагерь. Июнь 2011

Но за оставшиеся до конца экспедиции два дня выйти в новый колодец так и не удалось. Очень трудоёмкой оказалась проходка в монолите. Работали посменно, практически без остановки, но всё равно не успели. Помню Лёшу, в конце последнего рабочего дня стоящего в рукотворном каменном «стакане» по пояс и с грустным извиняющимся видом разводящего руками: «Ну не смогла я, не смогла…»

Андрей Шувалов, энергично взявшийся сначала за расширение привходовой части Банки (в том числе серьёзно приложивший руки к созданию «поганистой» камеры), о чём-то задумался. Посаботировав какое-то время текущие баночные работы, он, сославшись на то, что ему больше нравятся героические экспедиции через Снежную, чем возможный общедоступный нижний вход, ушёл в глухой лес и нашёл себе и всему клубу МГУ новый спелеорайон. Идея работать там такая же - попасть поближе к дну Снежной, но уже в новую, открытую к тому времени часть пещеры за Тронным залом. Так, по крайней мере, тогда озвучивались грядущие задачи. И снизу уже смотрели на эту будущую пещеру (колодец Очкодав) и сверху примерялись… Пусть у ребят там всё получится, в этом новом районе. Но в ближайших окрестностях альтернативы Банке как-то не осталось.

Остальные пещерные объекты как-то сами по себе закрылись. В одной уже прилично раскопанной пещерке с потолка внезапно опустилась огромная плита, наглухо перекрыв с таким трудом сделанный проход. Доли секунды отделили нас от трагедии. Благодаря отличной реакции или счастливой случайности, Рома в последний момент успел выскочить из несостоявшейся пещеры. Говорил потом, что не так быстро всё и падало… Ещё пару объектов прямо на поверхности просто забросили, наскоком не получилось, трудоёмко больно. Всегда можно расконсервировать, конечно, если что. А в самом нижнем (почти с уровня Лужи) потенциальном входе в Снежную (дыра в воронке с сильной тягой) в конце концов как-то бездарно заткнули образовавшийся было проход неудачно взорванной глыбой. Но особо по заткнувшимся поверхностным щелям не горевали, так как Банка всё-таки «шла».

Не всем участникам нужно было возвращаться в Москву. Рома планировал задержаться в зоне леса ещё несколько дней и поискать новые входы. Кроме того, он просто горел желанием продолжать работу в Банке. Со дня на день ожидалось прибытие на гору представителя московского клуба «13 мм» Кирилла Сидорова. В общем-то, из них с Ромой образовывалась вполне квалифицированная рабочая двойка. А Гурам, также остающийся в лесу на поверхности, мог бы считаться «сигнальной спасгруппой». С

такими натяжками прохождение неуступчивой щели перед заветным глубоким колодцем теоретически могло бы быть и продолжено. Кирюша забросился на Банку накануне сброски основных экспедиционных сил. Но средний палец на его руке был в гипсе, неприлично очень похожим на нос Буратино.

Оказалось, что на днях он помогал Саше Дегтярёву обустраивать на Ваганьковском кладбище могилу Игнатия Стеллецкого (заслуженный учёный, исследователь подземной Москвы, первый российский и советский спелеолог, зачинатель отечественного диггерства). И так как-то вышло, что друзья, перетаскивая большой ствол спиленного дерева через металлическую ограду, положили его прямо на палец Кирюше, не успевшему его вовремя с ограды убрать. Так что, с таким пальцем-носом подземный боец из него никак не получался. Похоже, дух заслуженного исследователя подземелий, витающий в тонких сферах, почему-то был против дальнейшего прохождения Банки в этот раз.

Игнатий Яковлевич Стеллецкий

Рома тем не менее не на шутку рвался в пещеру и был готов в одиночку продолжать проходческие работы. Несмотря на приверженность свободе личности, Лёша принял непростое и неприятное как для Ромы, так и для себя решение и запретил ему такие соло-выходы. Рома, хоть тоже противник всякого тоталитаризма, всё-таки дисциплинированно подчинился решению руководителя. Чтобы как-то посластить пилюлю и увековечить бескорыстное стремление Ромы к подвигу во имя науки, было решено назвать этот пока ещё неизвестный колодец Семёновским. Сама Банка официального названия на тот момент ещё не имела. Так что, Семёновский колодец – первое географическое название в этой пещере.

Следующие три экспедиции на Банку были достаточно многочисленны по составу, что не удивительно – пещера-то валит, но я в них не участвовал. Не по идейным, конечно, соображениям, а в силу личных обстоятельств. Семёновский колодец оказался глубиной всего 40 м. Сразу за ним через узость прошли следующий колодец глубиной 37 м. На его дне (глубина -147 м) обнаружилась хорошо слежавшаяся ровная каменная площадка – типичное дно многих пещер. Воздух в этом месте приходил сверху из щели, заткнутой с другой стороны очередным завалом.

Стол – центр композиции. Июнь 2012

На дне нижнего колодца лежали и вполне свежие камни, которые легко могли попасть сюда при определении нами предположительной глубины верхнего колодца, когда он ещё был горизонтальным меандром со щелью в полу. Поэтому название «Семёновский» решили раскидать на оба колодца. Верхний 40-метровый стал Большим Семёновским, а нижний 37-метровый – Малым.

Август 2012

Лёша Шелепин, между тем, успешно расковырял камеру с завалом в верхней части пещеры. Ту самую, на развилке, на глубине -25 м, с самой сильной тягой. За ней постепенно открылась новая ветка, названная «Ветреной», начинающаяся просторным промытым колодцем. Но проходы в этой ветке быстро сузились, и в них становилось всё больше и больше глины. В результате первопроходцы окончательно в ней увязли и потеряли тягу в жуткой грязи. Потом нашли относительно чистый проход вниз, но уже без ветра. Несмотря на то, что Ветряная ветка оказалась практически такой же глубины, что и предыдущая (-140 м), а в плане даже вышла за немалый периметр входной воронки, её всё-таки тоже забросили на очередном препятствии. Слишком грязно. «Такой вход в Снежную нам не нужен!» - твёрдо сказал Лёша.

Со дна Малого Семёновского попытались пойти по тяге вверх. Щель по тяге в восходящем завале в боку колодца товарищи изрядно расширили, ещё когда впервые попали на дно Малого Семёновского, с радостными криками уронив на пол пару кубов камней с трёхметровой высоты. Дальше был колодец вверх. Знаменитый восходитель Женя Кузьмин (Керченский) поднялся в нём метров на 40 и обнаружил, что тяга появляется из очередной узкой щели в стене. Заткнули и это направление. Пещера совсем встала.

Он больше не хочет в Банку

После экспедиций 2012 года к Банке все поостыли. Кроме Лёши, конечно. Поползав по дну Малого Семёновского, он обнаружил слабую, но верную тягу из-под камней завала. А их там, как уже было отмечено, к тому моменту значительно прибавилось за счёт спущенного сверху материала, образовавшегося при проходке восходящей щели. За этой щелью метрах в 6-8 от пола была полочка с небольшим ходом-гротом, объём которого, по прикидкам, должен был бы вместить в себя существенную часть завала со дна Малого Семёновского. Копать типичное пещерное дно прямо вниз, поднимая вынимаемые камни на 6 м выше по уступам – такая вот «интересная» задача с туманной перспективой вырисовывалась на будущее. Немного желающих нашлось на такую работу. Неудивительно, что следующая экспедиция на Банку стартовала в весьма скромном составе: Лёша и я. Начиналась «Эпоха Малых Экспедиций».

Эпоха Малых Экспедиций

Пока несут саке, пока несут саке,
Мы будем пить то, что есть.
Ползи улитка по склону Фудзи
Вверх до самых высот.
А нам ещё по семьсот,
Но так, чтобы в каждой руке,
Пока несут саке.
Гр. «Аквариум», «Пока несут саке»

Впоследствии Лёша спрашивал меня, уже после того, как мы докопались через Банку до Снежной и масштаб принятых когда-то решений стал очевиден, что подвигло меня согласиться на ту поездку в июне 2013 г.? По его словам, если бы я тогда отказался, следующей экспедиции на Банку могло бы не состояться. Ну, то есть - совсем. Никогда. Сколько таких пещер, не дождавшихся своего звёздного часа! Поваливших было, но заброшенных на первом-втором-десятом серьёзном препятствии. Энтузиазм, вера, силы, да и возможности конкретных людей, в силу различных обстоятельств, не безграничны. А что тогда подвигло? Да как-то не нашёл повода вовремя отказаться, что ли… (Шутка.) Чего бы ни заняться чем-нибудь полезным в хорошей компании, если время есть?

Первые Малые Экспедиционеры

Собственно, в лагере на Банке мы с Лёшей тогда оказались не одни. С нами стояла группа Саши Дегтярёва, состоящая кроме него из двух Катерин, Демьяновой и Соловьёвой, - выпускниц спелеошколы «Сокольников» позапрошлого, 2011 года, Ольги Анатольевны - мамы Кати Демьяновой, и Катиного восьмилетнего сына Клима. Мальчик с бабушкой почти постоянно сидели в лагере, поэтому все остальные могли спокойно заниматься своими пещерными делами, не беспокоясь о сохранности поверхностного добра. Подрастающий Клим был большим поклонником анекдотов на фекальные темы, которых, как оказалось, Саша Дегтярёв знает в избытке. А в последний день нашей с Лёшей экспедиции в лагерь забросились Татьяна Немченко и Константин Дорфман. Да Гурам наведывался время от времени. То на луга взглянуть на предмет возможности уже выпаса, то поохотиться, то угостить свежей вяленой медвежатиной. Так что, за чудесным буковым столом народа хватало. Это в Банке работали лишь мы с Лёшей.

Самое время, похоже, тут вспомнить о врождённой скромности и опять предоставить слово Алексею. Как говорил Львёнок в известном мультфильме: «Не могу же я петь сам про себя!»

«Оказалось, что Коля – приверженец 8-часового рабочего дня. Когда в первый день я хотел ещё поработать в пещере, он сказал: «Пора наверх!». На следующий день – та же история. А на третий день я хотел, как водится, предаться с утра созерцанию окрестностей, но Коля сказал: «Лёша, пора в пещеру, уже 11 часов!» Пришлось идти. И так шесть дней подряд ровно по 8 часов мы ковыряли этот завал. 96 человеко-часов. Да здравствует Трудовая Дисциплина!»

Каждое утро в 11:00 мы с друзьями ходим в пещеру…

Шесть дней – это всё время экспедиции, не считая заброски-сброски. Каждый день мы спускались на -147-метровое дно пещеры и перекладывали камни. Точнее, на дне работал Лёша, а я залезал на полочку повыше, с гротом. Лёша набирал в транс камни, пристёгивал его к верёвке. Я через протрекшен вытягивал этот транс к себе на полку. Путь мешка был не совсем вертикальным, поэтому, чтобы транс с камнями не цеплялся за стены, Лёша уходил из-под отвеса чуть за угол и оттуда оттягивал мешок второй верёвкой. Тащить транс вверх при этом становилось раза в два тяжелее. Зато он шёл наверняка. Работали в гидрах, так как на всём протяжении нашего стояния и маршрута транса с камнями уверенно капало. Глыбы, не влезающие в мешок, Лёша предварительно разбивал кувалдой. Несколько «бахов» пришлось потратить на особо неподдающиеся чемоданы. В мою задачу, кроме подъёма транса, входило также художественное укладывание камней в гроте. Более плотная укладка – большая часть завала здесь поместится. Для осуществления этой задачи Лёша периодически чередовал содержимое транса. То это было несколько крупных обломков, то камни средне-мелкой фракции, то полужидкая смесь какой-то мелочи. Не будь этой интеллектуальной составляющей строительства «китайской стены», мои моральные силы могли бы тогда в какой-то момент и закончиться. Достаточно монотонная работа. Чтобы совсем не упасть духом в её процессе, нужно твёрдо верить в то, что мы на верном пути. «Ещё десть тысяч вёдер, и золотой ключик у нас в кармане!» «Пилите, Шура, пилите! Там золото…» Или хотя бы твёрдо верить в того, кто твёрдо в это верит. Ну, или делает вид, что твёрдо верит.

Четыре с половиной дня мы поднимали обратно то, что первопроходцы быстренько спустили вниз в пылу преследования тяги. А потом принялись, собственно, и за разбор коренного завала. Гротик наверху постепенно становился всё меньше и меньше. Уже не надо было ходить далеко, чтобы вытряхивать транс. Несколько кубов породы мы уже вынули. И кулачок пецелевского протрекшена уже заметно сточился.

Вскрытое дно пещеры

Плотно слежавшейся «корки» в завале оказалось не более метра. Затем он стал порыхлее, с читаемым по руслу современного водотока проходом внутрь. Под конец последнего рабочего дня нам уже удавалось уходить под завал в полный рост.

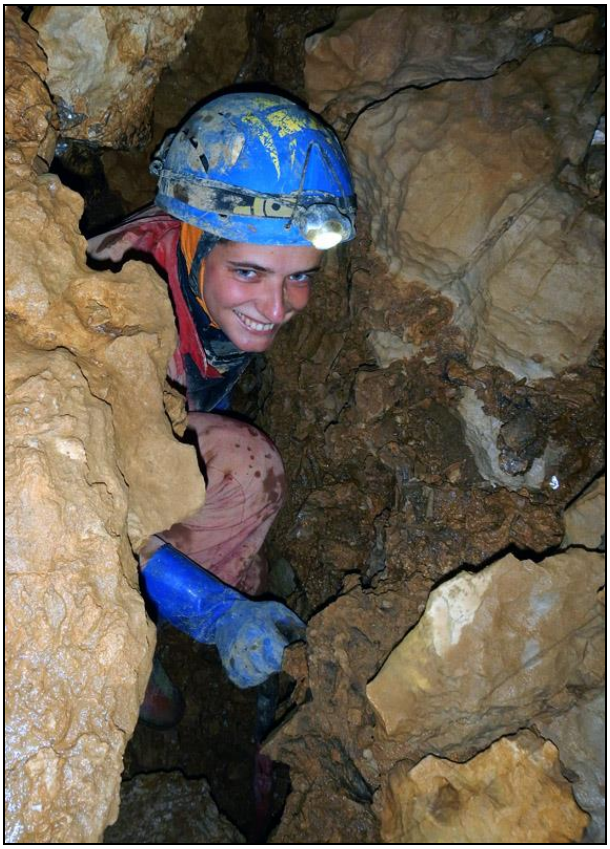
В ту экспедицию мы углубили эту ветвь пещеры всего на полтора метра. Но перспективы стали более очевидны. Тяга из неизвестных пока подземных объёмов заметно перераспределилась. По свежему прокопу бодро потянуло, а сверху, вроде как, ветерок поуменьшился. Чем не повод для оптимизма? А главное - нас уже стало двое, верящих в успех предприятия. Минимум в два раза больше, чем до экспедиции. А это – очень существенно!

Александр Гусев (Борода)

Затем, в августе 2013, была «Вторая Малая Экспедиция». После похода по реке Хипста с целью поиска и описания карстовых источников, Лёша, Саша Гусев (Борода) и Алла Шикалова (Сеня) пришли на недельку поковыряться на Банке. Им тогда удалось раскопать завал на дне Малого Семёновского до конца – до узкой щели с тягой. Но до щели уже в монолите. Приращение глубины пещеры получилось метров десять. Плоды их труда мне довелось увидеть через год. В теле завала, по сравнению с запомнившимся мне состоянием, образовался достаточно широкий проход. Передвигаться по нему следовало очень осторожно, не сдвигая никакие, даже самые «непринципиальные» на вид камни. Везде, где позволяли габариты, появились аккуратные каменные кладки. За год этот проход слегка просел и начисто промылся весенними паводками. В прошлом году, помнится, тут было грязновато. Хотелось верить, что раскопанный завал достиг-таки своего устойчивого состояния равновесия.

В «Третьей Малой Экспедиции», состоявшейся в июне 2014, нас опять было трое: Лёша, Валера и я. В этот раз в лесу кроме нас совсем никого не было. Валера к тому времени успешно защитил свою кандидатскую диссертацию. Так что, из нас сформировалась вполне учёная группа из трёх остепенённых товарищей во главе, как и положено, с доктором наук профессором Шелепиным. «В поля», правда, Валера, в силу своего богатырского телосложения, попасть так и не смог. Уж очень хотелось в своё время уважаемым коллегам-первопроходцам Семёновских колодцев поскорее достичь центра Земли, и узкие проходы в отвесах расширялись лишь до уровня «проходимо». Но с вынужденно выпавшей на его долю поверхностной миссией Валера отлично справлялся. Успешно совмещал методические и хозяйственные функции, осуществлял библиотечную и охранную поддержку, организовывал комфортные условия для труда и отдыха исследовательской группы. Каждый вечер после подземных работ нас с Лёшей встречали в лагере искусно сервированный стол, вкуснейшая настойка, ярко горящий костёр и чистое небо, приветливо сверкающее звёздами сквозь ажурную молодую листву высоких буков.

Наверное, тут самое время рассказать ещё одну историю. Про настойку. Ну, или не совсем про настойку, а, скорее, про жуков. Или даже не про жуков, а про рассказы Саши Дегтярёва. Или про всё это сразу. Словом, я расскажу, а вы уж сами решайте, про что это было. Итак, известный питерский биоспелеолог Александр Коваль собирает информацию об обитателях подземного мира Кавказа и параллельно делает вкуснейшие ягодные настойки. Градусов 40-45 – в самый раз! И раздаёт эти настойки спелеологам. Но не абы каким, а лишь тем, кто активно способствует открытию новых видов пещерных беспозвоночных. То есть собирает всяких жуков в пещерах и окрестностях и передаёт эти сборы ему на опознание. Знакомые за глаза называют Александра Георгиевича жуковедом, а его чудесные настойки – жуковедовкой. А Саша Дегтярёв, неоднократно упоминавшийся уже здесь, пишет рассказы на околоспелеологические темы под общим названием «Иркутские истории». «Иркутские» потому, что, как однажды внезапно выяснилось при проверке документов, ФИО Саши полностью совпадает с ФИО активно разыскиваемого правоохранительными органами криминального авторитета Саши Иркутского. Недоразумение спустя час-полтора благополучно разъяснилось. Но с тех пор команду спелеоклуба «13 мм» в шутейных разговорах часто называют «бандой Иркутского», самого Сашу – «бугром» и т.п. А «Иркутские истории» - это коротенькие смешные рассказы об известных и не очень известных спелеологах. Что там правда, а что вымысел, так сразу и не поймёшь. Юмор порой достаточно бескомпромиссный. Но прототипы героев, как правило, названные своими именами, насколько я знаю, совсем на Сашу не обижаются. Интересных спелеоисторий в природе много. Про всё Саше одному очень сложно написать. Поэтому как-то раз мы с Ромой, сидя под Хипстинскими звёздами за клюквенной жуковедовкой, решили Саше немного помочь и сочинили рассказик в стиле «Иркутских историй». «Про Колю и жуков» называется. Вот, собственно, и он.



Алла Шикалова (Сеня)

«Известный спелеолог Коля Иванов любил выпить жуковедовки. А её просто так не раздобудешь. Она меняется в Питере исключительно на образцы пещерных беспозвоночных. Вот Коля и эксплуатировал своих товарищей, заставляя собирать различных жуков в специальные пробирки. Бескорыстно, конечно же, во имя чистой науки! Как-то раз две девушки, до смерти боявшиеся всяких насекомых, но не смеющие перечить Колиному авторитету, принесли ему в трясущихся руках пару каких-то копошащихся шестилапых тварей. Коля лениво посмотрел на добычу девушек краем мутного глаза и со словами: «Такие у нас уже есть», - небрежно бросил жуков на землю и растоптал тяжёлым вибрамом».

К слову сказать, Валера, как настоящий фармаколог, делает в полевых условиях из подручных материалов ничуть не худшие настойки, чем профессор из далёкого туманного Питера. Другие, конечно, но

тоже очень достойные. Ну ладно, хватит, пожалуй, об алкоголе. Да здравствует Здоровый Образ Жизни! Вернёмся вновь к пещерным работам.

Препятствием нашим в Банке на этот раз была узкая горизонтальная щель в монолите, начинающаяся сразу за завалом. Она просматривалась примерно на полметра вперёд до ближайшего изгиба меандра. Воздушный поток в пещере избрал, очевидно, самый короткий путь на дневную поверхность. Тяга теперь полностью сосредоточилась в этой щели. Отовсюду капало. В лицо дул леденящий ветер, в этом месте было ощутимо холодно.

Лошадки тоже работают

Лёша занимался непосредственно щелью: бурил, забивал, прикручивал. Для уменьшения холостых ходок по завалу туда-сюда, он закладывал сразу несколько шпуров в разных местах и использовал две электрические трассы. Потом мы вместе вылезали через завал наверх и поочередно прижимали концы проводов к клеммам аккумулятора. Затем возвращались обратно к щели, стучали кувалдой, ковыряли фомкой. Лёша накладывал в транс отсыпку и подавал его мне через калибр. Я располагался метрах в двух выше, в небольшом объёме между коренной стеной и телом завала. Сверху меня прикрывал кусок большой плиты. По следам на камнях было видно, что эта плита несколько съехала по сравнению с её положением во время прошлой экспедиции. Но хотелось верить, что в этот раз она засела прочно. Эту небольшую нишу я потихоньку закладывал камнями, в большинстве своём бывшими ещё совсем недавно частями коренной стены, ограничивающими ток воздуха из таинственного объёма впереди. Объёма не было видно, но до него можно было докричаться - из щели с некоторой задержкой возвращалось гулкое эхо. Лёша сказал, что так же было в Акшаше: щель шириной с ладонь, ветер в лицо, гулкое искажённое эхо. До объёма в тот раз пришлось прорубить штрек шестиметровой длины.

Меандр оказался очень извилистым и для осмотра открывался неохотно – до следующего поворота через полметра. Через некоторое время впереди стало слышно какое-то журчание. На четвёртый день мы увидели глухую стену. Журчание воды стало отчётливее. И через три метра от своего начала щель с полутораметровой высоты выпала, наконец, в новый меандр. Он оказался пошире первого, но всё равно непроходимым для человека. По его дну тёк крохотный весёлый ручеёк - первый постоянный водоток, между прочим, встреченный в этой пещере. Камни больше не надо было передавать обратно и аккуратно укладывать в тело завала, их можно было бросать прямо на дно меандра. Сверху больше не капало. Работа пошла заметно веселее. И ещё через три метра стало возможно заглянуть в тот самый объём – небольшой колодец, глубиной метров восемь. Тезис Профессора Шелепина о шести метрах до эха, таким образом, полностью подтвердился.

Кладки в завале к тому времени мы для пущей прочности и в качестве эксперимента залили монтажной пеной. На удивление, получилось очень неплохо. Если лишний раз руками-ногами-трансами всё это не трогать, обвалиться самостоятельно

теоретически не должно. В честь своего характерного современного вида и в память о своей «стрёмности» в прошлом, оставшийся за спиной завал мы назвали «Пенистым».

По моей просьбе Лёша сделал выход в новый колодец большим и удобным – в полный рост. Последний рабочий день по плану уже закончился, и можно было бы и выходить наверх, оставив навеску вертикали на затравку для следующей экспедиции. Ведь гораздо веселее собираться в поездку, зная, что впереди тебя ждёт не очередная сомнительная щель или забой, а чистый отвес. Не правда ли? Да и не особо хочется после десяти часов интенсивной физической работы надевать снарягу и ползти в ней через Пенистый завал обратно вниз... Эти свои мысли я помню отчётливо. Но почему-то я совершенно не помню, что такого мне сказал Лёша, что я вдруг оказался колотящим спиты наверху нового колодца. Помню, он тоже сквозь завал говорит мне, что будет спускаться в этот колодец только в том случае, если окажется, что дальше нет очевидного продолжения. Но к моменту начала спуска Лёша вдруг очутился рядом со мной. В полном вертикальном облачении, с видеокамерой на груди и мешочком с топоприборами, пристёгнутым сбоку к обвязке.

Спускаюсь на дно колодца. Вижу продолжение – галерея поворачивает. Кричу Лёше наверх, что пойду посмотреть что и как. Он спускается ко мне. За углом галерея продолжается наклонным вверх ходом, вскоре непроходимо сужающимся. В полу этого хода щель-меандр вниз. Воздух поднимается из этой щели в полу. В щель можно побросать камни. Находим место, где они летят особенно хорошо: стучатся по каким-то ещё неведомым уступам или стенам и в конце концов падают где-то вдали с громким гулким звуком. Если прислушаться, то снизу из щели опять-таки где-то вдалеке слышится шум воды. Это уже не наш хилый первый водоток, там звук от нормальной солидной воды.

Несколько часов спустя, уже ночью, за лагерным столом мы закрепляем наш успех тремя тостами свеженастоянной Валерой абрикосовки (кураговочки): «За уступ!» «За меандр!» «За дальний колодец!»

Это был последний рубеж Третьей Малой Экспедиции. Фронт и перспективы работ на будущее просматривались отчётливо. Именно тогда, на глубине около -170 м, стало уже очевидно, что до Снежной через Банку мы дойдём обязательно. На этом и закончилась «Эпоха Малых Экспедиций».

За дальний колодец!

Томительное ожидание

Предвкушение физической близости с любимым человеком может доставлять почти такое же удовольствие, как и сексуальное удовлетворение.

«Энциклопедия молодой семьи»

Через два месяца, в августе 2014, нас было уже семеро. Проходческий состав июньской экспедиции недосчитался Валеры, но усилился возвратившимся из солнечной Камбоджи на историческую Родину Ромой Семёновым и не портящим борозды Сашей Гусевым. Влилась и свежая кровь - энергичная МГУ-шная спелеодвойка Петя Ковешников и Настя Янина, а также не менее меня волосатый Андрей Кулагин из г. Тверь. Можно сказать, что нас было восемь, так как участвовал ещё Коля Хмелевский (Коля Х в узких кругах), но в экспедиции мы с ним, как ни странно, не пересеклись. Я сбросился пораньше, он забросился позже. Боливар, видимо, двух Колей одновременно не выносит.

У Ромы в Дурипше много хороших знакомых

Пока не началось продолжение про спелеологию, самое время немного развеяться и, как в добром мультфильме про пиратов, послушать маленький рассказ о вреде пьянства. Итак, у Ромы в Дурипше много хороших знакомых. Прожил он там как-то раз несколько месяцев, а человек-то общительный. Оказавшись теперь вновь в родных местах, пошёл Рома по домам и апацхам со всеми поздороваться, про своё житьё-бытьё восточноазиатское рассказать, да и пропал до позднего вечера. А рано утром перед заброской отхлебнул Рома из полуторалитровой бутылки приличный глоток красненького для поправки здоровья и бодро зашагал в гору. На Белой дороге путь преградила лужа. Все начали её аккуратно обходить, карабкаясь по склону, заросшему колючими кустами. А целеустремлённый Рома решил гордо форсировать мутный водоём напрямую, и у него это почти получилось. Падение с брызгами произошло примерно посередине. Глубина оказалась небольшая – ниже колена. Но видя, как Рома барахтается на-под уровнем воды, пытаясь освободиться от навьюченной рамы на спине, его товарищи не на шутку забеспокоились. Пришлось-таки мочить обувь и вытаскивать бедолагу на берег. От греха. Целеустремлённый Рома как ни в чём не бывало продолжил свой путь. Ещё через пару часов, не дождавшись Рому на Яворе (место такое характерное на подъёме), Лёша отправился его искать вниз по дороге. Обнаружил пропажу метрах в 100 ниже на тропе. Рома лежал в тенёчке прямо на дороге и крепко спал. Но ровно через двадцать минут он проснётся (это привычка, выработанная годами), заползёт под свой станок и вновь полезет в гору.

С тех пор я люблю подколоть Рому, начиная рассказ о чём-нибудь словами: «Как говорят мои друзья-алкоголики…» На что Рома вздыхает и глубокомысленно замечает: «Да-а… А у меня вот нет друзей-алкоголиков. Спортсмены одни…»

Но продолжим непосредственно о Банке. Щель в полу, на которой мы остановились в прошлый раз, в июне, удалось пройти за два рабочих дня. Дальше пещера пошла уже бодрыми темпами. Как правило, рабочая группа навешивала вертикальное снаряжение на новый колодец и утыкалась в непроходимую щель перед следующим. Вторая группа вскрывала выход в этот колодец, следующая – навешивала и утыкалась в новую щель и т.д. Всё это потихоньку становилось похоже на настоящую вертикальную спелеологию.

Петя и Настя. Через год они поженятся

На глубине чуть больше 200 м очередной колодец вывалился в большую горизонтальную галерею. Точнее в большой зал, куда вместе с нашим колодцем приходят ещё две горизонтальные галереи. В одну из них легко удалось зайти пешком, а в другую пришлось делать настоящее восхождение. Не такое, правда, большое - метра три-четыре вверх и столько же в сторону. Из нашей рабочей тройки восходителем выбрали Рому Семёнова, потому что его меньше всех жалко, если что. (Шутка). Рома лез по стене без всяких крюконог (много чего у нас было с собой, но до крюконог фантазии не хватило), но зато с настоящим перфоратором, громко комментируя качество поверхности. Смысл его витиеватых речей сводился к известной фразе: «кто так строит?!» Больше всего в тот момент Рома напоминал жутко грязного обвешанного железом Винни Пуха. Лёша страховал, заняв единственное место под колодцем, где не капало сверху. Я наблюдал за сомнительным действом со стороны, записывая всё для истории «на корочку», так как видеокамеры с собой в тот момент не было. Происходящее не было похоже на красивую картинку на скалодроме. Техника движений по вертикали значительно уступала стремительным восхождениям Керчанина (Евгений Кузьмин) или Саши Пушина (наш красноярский друг-спелеолог). Но тем не менее начатое было успешно завершено. Рома взялся – Рома делает.

Обе горизонтальные галереи оказались слегка восходящими, без явного продолжения вниз или вверх, хотя и в потолке, и в полу присутствуют различные колодцы. Общая протяжённость этих галерей достаточно приличная – около полукилометра. А в плане они в подробностях повторяют рисунок фрагмента Хрустального меандра пещеры Снежная - ветки, открытой Виктором Шадриным (Хабаровск) в 2011 в экспедиции под руководством Светы Мазиной (известный спелеолог и биолог, непримиримый борец со всякой плесенью). Как раз той части, куда мы по плану Лёши через 400 м по вертикали должны будем попасть. Ну разве не повод для оптимизма?

На самом деле эти горизонтальные галереи, названные позже Правым и Левым Бантиком за характерный рисунок в плане, до сих пор не обследовали «с особым

пристрастием». Потому что прямо под нашей навеской пещера продолжилась дальше воронкой очередного колодца. В этот раскрытый пуп Земли со всех сторон сливались ручейки. А навстречу уже солидному ручью из недр пещеры дул холодный ветер. Концентрированный воздушный поток поднимался из воронки и расходился более мелкими ветерками вверх по колодцам и галереям, где опять распределялся по восходящим колодцам и каминам. Загадочность множества дующих воронок и трещин в зоне леса таяла на глазах. Интуитивно понятное стало очевидным – если плотно «сесть» на любую дующую дыру в лесу, то рано или поздно она обязательно приведёт настойчивых первопроходцев в Снежную. Поначалу, конечно, просто в большие подземные объёмы. Но уже метров через 200 от поверхности по вертикали. Плюс-минус.

Свежая кровь. Андрей сверху

Кстати, насчёт тайн. Не успев раскрыть одну из них, пещера сразу же подкинула нам другую загадку. Делали некто N (известный спелеолог, категорически пожелавший остаться неизвестным в контексте этой истории) с Катей Демьяновой топосъёмку Бантиков. Всё подробно аккуратно отсняли, везде, где смогли, залезли, фонариками посветили, красиво на бумажке нарисовали – всё прекрасно. Только потом стал некто N к разным людям тет-а-тет подходить, и чего-то тихо выспрашивать. Дошла очередь и до меня. «Коля, - говорит некто N, - а ты, случайно, в Бантиках не ходил по-большому?» Неожиданный вопрос. «Нет, - говорю, - я туда не то что по-большому, я туда вообще не ходил. Физически, то есть. Ногами даже не ходил». И заметьте, это - чистая правда. «Странно, - говорит некто N, - ты был последним логическим вариантом. Все уже отказались». Оказывается, по словам N, что, спустившись в один из глухих колодцев в Бантиках (вроде как первым спустившись, никого там раньше не было), он, к своему удивлению, обнаружил на дне кучку человеческих фекалий, аккуратно лежащих на плоском камне. То, что это дело рук именно человеческих, некто N заявлял настолько авторитетно, что ни у кого даже тени мысли не возникло усомниться в его словах. Причём было также очевидно, что кучка эта образовалась непосредственно на месте, а не упала, скажем, с верха колодца или через какую-то неведомую щель прямо с поверхности. И не была сброшена вместе с камнем откуда-то сверху. Всё очень свежо и оригинально. «Никаких признаков сотрясений». Загадка. Или кто-то просто поскромничал, добровольно отрёкшись от лавров первопроходца, или что-то напутал некто N, или, вообще, придумал. А может, в классификации видовой принадлежности помёта ошибся? Словом, у пещеры теперь есть новая тайна. А заодно и повод для анекдота на столь любимую подрастающим Климом тему.

Экспедиция августа 2014 была самой результативной из всех проведённых на тот момент выездов на Банку. За объёмной воронкой на соединении Бантиков оказался 15-

метровый колодец, названный Малым Сливовым. Сливовый – от слова «слив» (сливаются туда ручьи, в смысле). А Малый – потому что дальше за ним, чередуясь с узкими меандрами и завалами, последовали 30-и, а затем и 40-метровый колодцы, получившие названия Средний и Большой Сливовые. По уже солидному ручью удалось спуститься на глубину 340 м до очередного меандра-завала. В Левом Бантике на глубине -210 м был установлен первый в этой пещере ПБЛ на 4 человек. Работать в дальней части стало заметно веселее.

Валентин Рысцов

Ну и напоследок про 2014 год. В связи с достаточным количеством квалифицированных бойцов, у ветеранов движения неожиданно появилось время несколько расслабиться. Формула «шесть из шести» утратила свою актуальность. В смысле, отпала необходимость одним и тем же людям работать под землёй каждый день. «Пять из семи» или «два по четыре из десяти» - вполне приемлемый график. Таким образом, отдыхаем мы как-то с Лёшей на поверхности в погожий солнечный денёк. Устроились в тенёчке на пеночках – красота! А в это время на луга забрасывается питерская группа под руководством Валентина Рысцова, состоящая практически из одних девушек первого года спелеологического обучения. И вот, перешагивая через нас с Лёшей (расположились-то мы на отдых на территории лагеря, но прямо на тропе на Снежную), Валя объясняет своим воспитанницам: «А это – известные московские спелеологи Шелепин и Иванов. Вы не смотрите, что они валяются на дороге как бомжи. На самом деле, это очень серьёзные и уважаемые люди». После этих Валиных слов Лёша приподнялся на локоть и деловито откашлялся. А мне очень вдруг захотелось поправить на шее несуществующий галстук, но пришлось ограничиться почёсыванием волосатой груди.

Настрой на очередную экспедицию в начале июня 2015 был самый что ни на есть боевой. Все чувствовали, что Снежная уже совсем близко. Прошедшей зимой группа Виктора Шадрина (кроме хабаровчан Виктора и Оксаны Полевской, участвовали Татьяна Немченко (Москва) и Гинтаутас Швядас из Вильнюса) взошла в Снежной по притоку, определённому ими как «приток из Банки», по их словам, ещё на 80 м вверх по вертикали. И ничего им, кроме сроков экспедиции, не мешало пройти и дальше. Остановились на подъёме в большой колодец, который «простреливался» снизу дальномером более чем на 100 м. Больших колодцев рядом было целых два, но один из них сильно обводнённый. Подниматься решили, естественно, по сухому. Таким образом, получалось, что если мы действительно движемся навстречу друг другу, то между крайней достигнутой в Банке к тому времени точкой и точкой, до которой через свободный широкий колодец

«дострелили» дальномером восходители снизу, остаётся порядка полутора сотни метров по вертикали.

Стол в лагере на Банке в декабре

Позже я спросил у Татьяны, зачем вообще состоялась та зимняя экспедиция? Ведь было очевидно, что в рамках сроков их поездки в Снежную даже самые-самые «продвинутые» пещерные восходители при поддержке большой команды вспомогателей не смогли бы завершить предпринятое ими восхождение до уровня «дна» Банки. Это даже если забыть о том, что до этого «дна» снизу нужно будет ещё «прогрызться» через неизвестные пока препятствия, так как очевидного прохода вниз пока нет. А если восходят всё-таки не в Банку, и нормальный проход где-то есть, то до поверхности всё равно ещё очень и очень далеко. Вопрос «зачем?» мучил не только меня, но и всю прогрессивную спелеообщественность. На что Татьяна ответила, что для всех людей «в теме» соединение Банки со Снежной в ближайшее время, конечно же, было очевидным. А эта вылазка - «лебединая песня». Но не Татьяны, конечно, а эпохи героических экспедиций на дно пещеры через классический вход. «Это была Последняя Настоящая Экспедиция в Снежную», - сказала она.

Последние Настоящие Снежные Экспедиционеры: Гинтас, Татьяна, Виктор, Оксана (за камерой)

Для нас, конечно, перспективное соединение Банки со Снежной тоже не вызывало никакого сомнения. Нам с Ромой Семёновым очень хотелось сделать это уже в ближайшей экспедиции в начале июня, так как были планы в августе заняться другими вещами и проектами. Лёша Шелепин, как мудрый никуда не спешащий человек, был против такого форсирования событий. По его задумке июньская экспедиция должна была стать подготовительной перед августовской. В августе на Банку могло бы поехать больше людей, имеющих отношение к её прохождению, и соединить пещеры в «расширенном составе» было бы более справедливо. К тому же сам момент соединения можно бы более торжественно оформить. Тем не менее Лёша не стал возражать против заброски в этот раз на гору кучи вертикального снаряжения. Оно всё равно пригодится там рано или поздно. Но с его стороны непременным условием продолжения прохождения пещеры вниз было предварительно расширить узости в верхней части. В своё время, как уже отмечалось, в пылу первопроходческой лихорадки выходы в Большой и Малый Семёновские колодцы были выполнены лишь в минимально требуемых для прохождения человека размерах.

Протискивание в эти узости постоянно отнимало силы проходчиков, а для некоторых они так и остались непреодолимым препятствием. За эталон ширины прохода был принят богатырь Валера, который тоже поехал с нами в этот раз. Сам же Лёша планировал заниматься прокладкой телефонной линии по пещере. А участвовать в проходческих работах он предполагал только после размотки всего провода, которого взяли с собой ни много ни мало два километра. С такими планами мы и собрались в очередную экспедицию на Банку.

Эталона Валеру на работе на несколько дней задержали неотложные дела. Яша Денисов, очередной представитель клуба «13 мм», ещё один предполагаемый участник нашей июньской экспедиции, был вынужден «зависнуть» на экстремальном выездном корпоративе где-то в Европе. Поэтому грузились мы с Лёшей и Ромой в плацкартный вагон со всеми вещами (на пять человек личных вещей и на все десять – общественных) втроём. Тогда мне за 10 минут до отхода поезда пришлось побегать по Курскому вокзалу, чтобы легализовать излишки груза. Грань фола была уже давно позади, и проводница категорически отказывалась сажать нас с таким объёмом вещей без официальной оплаты. В первый раз в жизни мы были вынуждены взять лишний билет для багажа в тот же вагон.

Несмотря на благополучное завершение эпопеи с посадкой в поезд, Рома был как-то не весел. И по мере удаления от Москвы печаль его всё росла. Разговорить его долго не получалось, но на следующее утро Рома всё-таки раскрыл свою тайну. Оказалось, что чуть ли не в самое сакральное (в анатомическом смысле) место ему впился клещ. И медленно, но верно сосал Ромину кровь, паразит. Из самой глубины души практически. Мы, конечно же, не оставили своего друга в беде. Лёша как настоящий доктор (хоть и физ.-мат. наук) аккуратно извлёк зловредного членистоногого из Роминого тела. Я же, между прочим, небезызвестный в узких кругах мувимейкер, заснял весь процесс исцеления на видеокамеру. Картинка получилась не слишком изящной, но достаточно оригинальной.

Ага! Клещ, значит…

Позже этот сюжет вошёл в начало второй части фильма о Банке. Рома, в силу природной скромности, не один месяц сопротивлялся такой идее. Но, отсмотрев уже почти готовый клип, в котором вторая часть начиналась зрелищной, но унылой картиной потопа в Дурипше, он неожиданно сказал: «Давай!». Действительно, сюжет с Роминой филейной частью гармонично вписался в концепцию получившегося фильма. А чем, собственно, это плохо? К примеру, великие актёры Анатолий Папанов в «Бриллиантовой руке» и Светлана Крючкова в «Похороните меня за плинтусом» не постеснялись обнажить на всеобщее обозрение эту часть тела. Тот же Яша Денисов, опаздывающий участник нашей экспедиции и по совместительству профессор кафедры Гламурной Спелеологии, нет-нет да блеснёт на фотках голым задом. Сомнительная, на мой взгляд, но вполне концептуальная эстетика. Не в эротическом, конечно, плане, а в авангардном советском стиле «Наш ответ Чемберлену». Тем не менее, именно из-за этого сюжета с клещом вторая часть фильма про Банку не вошла в официальную часть программы XVI фестиваля

спелеофильмов в Питере, а также не была показана в штаб-квартире РГО. Что, впрочем, не помешало картине получить приз зрительских симпатий на том же фестивале. Мы, авторы фильма, с пониманием и уважением относимся к решению наших строгих ответственных коллег. К тому же «неофициально» вторую часть «Банки» на фестивале всё же показали.

Вернёмся к экспедиции. Как бы то ни было, менее чем через пару дней после хирургической операции на попе Рома, уже вполне довольный жизнью, высадился в Гудауте со всеми нашими вещами. Шёл настоящий тропический ливень. Гурам, приехавший нас встречать, стоял под крышей между ветхих колонн когда-то одного из самых великолепных вокзалов юга СССР, радостно махал Роме рукой, но покидать своё убежище явно не спешил. Перрон с насквозь мокрым, но гордым нашим товарищем проплыл мимо, а мы с Лёшей на том же поезде отправились дальше в Сухум на встречу с Председателем Государственного комитета по экологии и охране природы. Была в то время такая обязательная для руководителей спелеоэкспедиций практика - лично посещать это учреждение. Руководитель у нас Лёша, я же – группа поддержки. Ну, для солидности. Не абы кто, типа, РГО всё-таки представляем. Дождь вскоре закончился. Рома с Гурамом и нашими пожитками благополучно добрались в Дурипш. А с Председателем мы так и не встретились. О чём, собственно, не сильно-то и жалели.

Яков Денисов

В начале июня 2015 в Снежную через Банку мы не попали. Как обычно, в формате 10-14 дневной блиц-экспедиции чисто пещерных рабочих дней получается не более шести-семи. Два дня мы потратили на расширение узостей до Валериных размеров. Это было правильно. Очень важно, что наш друг, наконец, смог посмотреть на настоящую пещеру за Пенистым завалом. Да и чуть менее габаритным людям перемещаться по пещере стало значительно легче. Следующие два дня разрабатывали выход в новый колодец. Он оказался объёмным, но едва ли большим 20 метров по глубине. На дне колодца ручей бодро утекал в меандр с острыми перьями на стенах. Не слишком узкий меандр, но всё же ещё непроходимый. Из него как-то невнятно тянуло холодным воздухом. Совсем не тот ветер, что дул наверху колодца. День водили носами, искали пропавшую тягу. По рекомендации Лёши Шелепина (похоже, он уже вполне может принимать заказы на поиск потерянных пещерных ветров) и, как водится, в последний рабочий подземный день Рома сделал траверс по стене в верхней части колодца, и мы вышли на фрагмент старой наклонной галереи. Тяга нашлась. Основной воздух приходил из сильно заглиненного завала в верхней части этой галереи. В средней части в тело меандра спускался 10-метровый колодец. В паре мест в нижней части этого

колодца в сторону уходили неширокие хода, заросшие «ёлочками» и «цветами». Заметно дуло из нижнего хода.

Вспомнился рассказ Татьяны Немченко о неких колодцах, ведущих вверх от Хрустального меандра: обводнённом и промытом сухом. Именно по последнему, насколько помниться, решили двигаться вверх (и взошли достаточно прилично) зимние восходители из Снежной. Что-то там ещё у Татьяны было и про колодец с глиной, если не ошибаюсь… Если предположить, что ветер, навстречу которому мы идём, дует из Снежной в расположенный чуть выше 20-метровый колодец (магистральное направление) разными путями (по воде снизу, по «ёлочкам» в середине и по глине сверху), то пазл, вроде как, начинает уже совсем складываться. Мы примерно там, где надо. А средний красивый ход – наша дорога к центру Земли. Он и был определён как направление основного удара на будущее.

Рома предложил назвать 20-метровый колодец, пройденный в эту экспедицию, в который спускаться до конца теперь вовсе и не надо, Скотопрогонным. Тогда это название как-то не прижилось (безжалостно подверглось справедливой и несправедливой критике уставших Роминых товарищей). Но, учитывая дальнейшую судьбу трассы, ведь уже через полгода всего за месяц более полусотни человек со своими бесконечными трансами изъездили её взад-вперёд не по одному разу, это название видится всё более и более подходящим.

Кульминация

> Истинно мудрого человека не побуждают ни собственная польза, ни честолюбие, ни страсть к почестям или славе; он не знает соревнования. Сравнение достигнутого им с тем, что достигнуто другими, не нарушает его покоя; его мучит лишь сравнение с тем, что должно было быть вообще достигнуто. Он чувствует себя обязанным стремиться ко всеобщему благу; это благо есть его единственная цель, и если оно достигнуто другими, то он не чувствует себя разочарованным в своих надеждах, так как он всех считает сотрудниками, и никого соперником.
>
> *Уильям Годвин, «Исследование о политической справедливости и её влиянии на всеобщую добродетель и счастье»*

Август 2015. Вопреки Лёшиным ожиданиям, большого ажиотажа и наплыва участников в экспедицию, рискующую стать решающей в прохождении нижнего входа в Снежную, как-то не наблюдалось. Нас было практически столько же, что и год назад. Прошлогодняя августовская команда претерпела незначительные изменения. Не смогли поехать Рома Семёнов и Коля Х, но присоединились Лёша Шахов и Сеня. Ближе к концу экспедиции ожидалось появление Яши Денисова.

В силу разных обстоятельств мы с Лёшей Шелепиным забрасывались на неделю позже основной группы. Лёша вылетел в 2 ночи из Москвы, а к 8 утра мы с ним уже сидели у фонтанирующей трубы на Белой дороге, готовые к подъёму наверх. Важно было проскочить первые участки маршрута до начала жары. Часов с 10 начиналось жуткое пекло и прогоняло праздно валяющихся на морских пляжах отдыхающих в тенёк. Мы же уныло брели наверх, подстёгиваемые наступающим на пятки зноем. На высоте порядка 700 м уже начинала чувствоваться горная прохлада. Добравшись до заветного Явора, мы бросили пенки прямо в тень под дерево и почти моментально уснули. Как это здорово - никуда не спешить! Задача на сегодня – заброситься в лагерь на Банке и подготовиться к завтрашнему выходу под землю. И на всё это – целый день. Я впервые забрасывался в таком режиме, с дневным сном на подъёме. И это оказалось прекрасно!

Сквозь сон вижу, как мимо нашего импровизированного лежбища сверху по тропинке спускается полураздетая (по кавказским меркам, конечно) девушка. Вежливо здоровается и скрывается внизу за поворотом. Поневоле чувствуешь себя Волком из сказки про Красную Шапочку. «Ты тоже видел это?» - слышится голос Лёши. Значит, не приснилось… Пора, видимо, вставать и продолжать подниматься в гору. Минут через 30 нам навстречу спускается озадаченный молодой человек. Оказывается, что полураздетая девушка была не видением. И зовут её Настя. Не наша Настя Янина (кстати, они с Петей недавно поженились, и эта экспедиция была их свадебным путешествием), а другая - участница группы Саши Дегтярёва, соскучившаяся по чистой воде и дерзко сбежавшая из лагеря на трубу к фонтану купаться.

Шарль Перро, автор «Красной Шапочки»

Надо сказать, что с водой на Банке летом как-то не очень. В июне ещё можно добыть снег из многочисленных воронок. А к августу он благополучно растаивает без следа. Ближайший источник находится уже на лугах. Да и его расхода порой не хватает на всех страждущих спелеологов. А иногда он и пересыхает совсем, и снег добывают из пещерки неподалёку. Помню, год назад приходилось собирать воду из коровьих луж по дороге наверх. Такую «воду» обязательно кипятили, предварительно выбрав оттуда всех крупных головастиков. Но на вкус всё равно эта жидкость довольно специфическая. Лишний раз подумаешь, чистить ли зубы или лучше воздержаться? Так что в глубине души поступок Насти вполне можно понять.

Вечером в лагере на Банке царила бодрая суматоха. В полном составе тусила группа Дегтярёва (в этот раз их человек десять было, солидно так), постепенно перебазирующаяся из Снежной в Самохват. Другая компания, Костя Дорфман с Борисом Галицким, готовилась выдвигаться на луга в одну из перспективных заначек, законсервированных с лохматых годов. Сеня с Бородой, представители нашей команды, обеспечивали быт на поверхности, ходили за водой и копили силу для будущих пещерных подвигов.

А наша ударная группа: Петя, Настя, Андрей и Лёша Шахов - уже несколько дней работала под землёй. Жили они в лагере -210. Время от времени кто-то из них выскакивал на поверхность, подзаряжал аккумуляторы для перфоратора и убегал обратно в пещеру. От начала заросшего «цветами» меандра на -360 м, где мы с Ромой остановились два месяца назад, ребята с технологией продвинулись метра на три вперёд и достигли узкой щели, за которой оказался настоящий БОЛЬШОЙ КОЛОДЕЦ. В процессе двухдневного расширения выхода в этот колодец проходчики успели уже простудиться на сквозняке и порядком подустать. Несмотря на это, нас с Лёшей попросили сразу в пещеру не загружаться, так как в лагере -210 могло разместиться на ночь лишь четверо. Ребята планировали отработать под землёй по максимуму, а смену составов приурочить к окончательной выброске Лёши Шахова, которому через пару дней надо было уже улетать в Москву на работу.

Алексей Шахов и Алексей Шелепин

Через оговоренную пару дней, вечером, мы с Лёшей и Сеней уже расширяли лагерную площадку на -210 м. Петя с Настей продолжали навешивать бесконечный колодец и к ночи должны были вернуться в ПБЛ. Планировалось эту ночь провести в лагере впятером, и нужно было что-то срочно предпринимать для того, чтобы всем хватило места. Конечно, Сеня – человек достаточно миниатюрный, и в крайнем случае мы как-нибудь разместились бы и так. Вопрос комфорта, просто.

С одной стороны лагерную площадку ограничивал двухметровый обрыв к ручью, с другой – нагромождение глыб, покрытых толстым слоем глины. Особенно выпирал один казавшийся огромным камень. Его хорошо было бы взорвать, да только руки как-то всё не доходили. Лёша взялся за самое безнадёжное дело – выравнивать обрыв. Мне же досталось ровнять глыбово-глиняную стенку. Стена оказалась больше глиняной. Из неё хоть и с трудом, но уверенно выковыривались отдельные камни, казавшиеся ранее краями больших плит. Даже самый огромный осколок, в конце концов, был извлечён из общей кучи и пущен в дело - сброшен в ручей. Лёша удобно расположился на каменной осыпи в нескольких метрах дальше и методично перекидывал эту осыпь в сторону обрыва. Сеня бесстрашно сновала под градом летающих пещерных отложений, помогая то мне, то Лёше, то снимая весь процесс на видео. В лучших бурлацких традициях Лёша задавал темп нашей работы старинной песней про разные опасности, надвигающиеся на него, и о том, как он с ними, нажимая на кнопочку, ловко справляется. Часа через три, как раз к приходу Пети с Настей, лагерная площадка удвоенной площади была совсем готова. Ночью всё же было слегка тесновато. Но дело уже не в размерах лежбища. К большой лагерной площадке хорошо бы ещё и палатку попросторнее, и пенок побольше…

Со слов Пети и Насти, исходные данные для нашей работы на завтра были следующими. Щель из меандра с цветами (бывшего, конечно, меандра, там теперь просто просторный ход) вываливается в стене широкого колодца, метрах в нескольких от его потолка. Профиль колодца непростой, стены все в острых перьях (из-за них колодец был

назван «Пушистиком»), но между верхом и «дном» вроде как есть прямая видимость. Навесив примерно метров сто по вертикали, ребята в конце концов спустились на то самое некое «дно» - большую полку из огромных глыб, заклиненных в сужении этого широкого колодца. Следующая полка-«дно», размерами несколько поменьше предыдущей, располагается ещё 15 метрами ниже. А ещё 15 метрами ниже – следующая полка. Здесь уже начинается настоящая пещерная грязь (не грязь в обывательском понимании, а обилие глины). От неё бутылкой вниз следует очередной колодец. Накануне вечером Пётр спустился лишь до грязной полки. Навесить бутылку он уже не успевал, но, посветив туда мощным «Скурионом», далеко внизу разглядел какое-то дно. Тяга воздуха присутствует, вода течёт где-то за стеной, видимо, по параллельной штанине. Пещера валит, словом. Разве что грязновато как-то стало. Вполне нормальный фронт работ. А сами Петя с Настей собрались на пару дней наверх, перевести дух и погреться на солнышке.

На следующий день продолжать прохождение бесконечного колодца выпало нам с Сеней. Оставив напарницу наверху чистой 15-ки, я поехал вниз делать навеску на грязную полку и дальше. Лёша в это время сольно занялся вдумчивой прокладкой телефонной линии. Продолжая своё начатое ещё в июне дело, он теоретически должен был в конце концов упереться в нас с Сеней. Точнее, высунуть голову в колодец и, возможно, услышать нас или даже увидеть свет где-то далеко внизу. Таким образом, получалось, что мы работаем в пещере как бы все вместе. Хотя меня и Лёшу по вертикали разделяло полторы (а то и две, по прикидкам) сотни метров, мы смогли бы осуществлять акустическую связь через Сеню. Она располагалась на глыбовой полке между большими колодцами и была готова, в случае необходимости, принести мне вниз дополнительно транс с верёвкой. Правда, в противоположном углу полочки, где располагалась Сеня, громко журчал ручеёк, что здорово мешало ей воспринимать транслируемую издалека информацию. Но, тем не менее, необходимые реверансы в сторону правил работы в пещере были сделаны. По словам Сени, основной её задачей было обеспечивать эффект присутствия, поддерживать иллюзию того, что работающий далеко внизу (или далеко вверху) человек не одинок в этом подземном мире.

17.08.15. ПБЛ-210. Сеня

Сделав пару точек, спустился я на полочку, с которой Петя светил вниз мощным фонариком. Посветил и я своим. Фонарь у меня тоже мощный – отечественная разработка, «Игниви», - даже покруче Петиного «Скуриона» будет. Эх, к хорошему свету теперь бы ещё и зрение получше! Действительно, видно дно. Но сколько до него? Пятьдесят метров, сто, сто пятьдесят? Без дальномера не определить. Придётся ползучим эмпирическим путём.

Постучал я молоточком, постучал, выбрал стену, по которой навеска пойдёт, и стал потихоньку в новый колодец выходить. Первые метры по вертикали вообще хорошо пошли. И не капает, и стены удобные. Но бутылка есть бутылка. В какой-то момент я вдруг понял, что вишу уже метрах в десяти от предыдущей точки навески и до стен

совсем не достаю. Метра три в одну сторону, до той стены, по которой я перила в колодец вывел, и метров пять до другой.

Казалось бы, обычное дело. Раскачаться как на качелях или просто двинуть прицепленный к тебе мешок в сторону, - вот уже и начинаешь маятником перемещаться между стенами. Но не тут-то было! Три мешка на мне: с верёвкой, с перфоратором и принадлежностями к нему, с фурнитурой и петлями разными. Всё, вроде, пригодиться может, ничего лишнего. Не то, чтобы до отказа забитые мешки, но всё-таки. С такой тяжестью, да ещё и к отнюдь не миниатюрному заду прицепленной, как-то не раскачивается. Все трансы одновременно в одну сторону бросить - тоже не получается. Ни сил, ни конечностей не хватает. А в иных вариантах оставшиеся без движения мешки отлично демпфируют зарождающиеся было колебания. Так и болтаешься в одной точке, только закручиваешься всё сильнее вокруг туго натянутой верёвки. И голова кружиться начинает, и завтрак обратно на волю просится. Хорошо, что со стороны не видит никто. Весьма печальное зрелище! Компрометирующее образ отважного пещерного первопроходца.

17.08.15. ПЕЛ-210. Коля

Связал я из нескольких строповых петель что-то типа лассо, и стал его на стену забрасывать. Хорошо, что ближняя стена не совсем гладкая, кораллитами красиво местами заросла. Зацепится стропа за каменные цветочки - можно подтянуться поближе к стене. Хоть петля и соскакивает постоянно, колебательный импульс какой-никакой успевает передаться. Так, десяток-другой забрасываний, вот уже и ногой можно по стене пнуть, и в конце концов закрепляюсь я с помощью скайхука на отрицательном отвесе. Делаю очередную точку и дальше вниз еду. Только стену уже не теряю. Сползаю потихоньку, перецепляя скайхук метр за метром.

Периодически общаюсь с Сеней, связь акустическую проверяю. Связь, честно говоря, так себе. Шумит вода рядом с напарницей, да и звук через относительно узкое горлышко бутылки с большими искажениями между нами проходит. Очень сложно понять друг друга. «Повтори!» да «повтори!» сплошные. Но и тем для бесед немного. У меня всё нормально, а сверху Лёша, вроде как, в колодец высовывался, чего-то говорил (если я правильно Сеню понял, конечно). Все живы-здоровы, и можно спокойно работать дальше.

Глины становится всё больше и больше. Вот уже в два пальца толщиной слой её на стене. Место под анкер очищать приходится. Ноги от грязи постепенно превращаются в две бесформенные культи. Из левой торчит шнур педали, а правая совсем затекла и не чувствует ничего. Не так уже и много верёвки в трансе остаётся. Смотрю вниз, прикидываю, хватит ли до дна, или пора Сене кричать, чтобы ещё транс спустила мне. Дно видно хорошо, видно также чернеющее продолжение вертикали в одном из углов. А в этом зияющем проёме видно что-то неестественное для пещеры. Что-то слишком симметричное… Навеска! V-образный выход в следующий отвес! А у меня за спиной, уже метров пять как, вверх по противоположной стене, оказывается, восходительская верёвка

проложена и в наш колодец. Ура! Вот оно, соединение! Причём, верхнюю достигнутую зимними восходителями точку пещеры, а соответственно, и официальную границу Третьей По Глубине Пещерной Системы Мира я уже бездарно проехал.

Что-то слишком симметричное…

Друзья потом не раз спрашивали меня, что я чувствовал, когда понял, что Банка со Снежной наконец-то соединилась. Наверное, это очень важно – эмоции, охватывающие первопроходца в момент значимого географического открытия. Возможно, это должна быть эйфория от осознания величественности того, что только что свершилось, и что именно тебе выпало сделать последнее телодвижение для завершения этого долгого процесса. Ну и, наверное, гордость за себя, а может быть, и за всю команду, работавшую вместе с тобой, а то и за всю нашу великую страну, воспитавшую таких замечательных людей, как ты. А потом, не исключено, тебя должен пробить холодный пот, а все волосы на теле в благоговейном ужасе зашевелиться от мысли, что вот этим самым телодвижением ты ставишь точку в истории целой эпохи героических исследований Снежной и навсегда уничтожаешь один из полюсов Недоступности планеты Земля. Уместно, думаю, временно даже слегка тронуться умом в этот момент. Но врать не буду - ничего такого не было. Виноват!

Не было даже удивления от того, что соединение Банки со Снежной произошло по самому короткому из всех возможных путей. Разумеется, так и должно было получиться, казалось мне тогда. Мы, как поезда в школьных задачках, вышли из точек А и Б навстречу друг другу и благополучно встретились. Ну мы же так и планировали! А что погрешность в съёмке многокилометровой пещеры до места предполагаемой стыковки может быть вполне значительна – мелочи! Что в Хрустальном меандре десяток притоков, и далеко не факт, что восходители пошли именно в Банку – в первый раз слышу! Куда мы стремимся? – В Снежную. Что-то там было про два расположенных рядом восходящих колодца (сухой и обводнённый)? – Было. Есть у нас похожий вариант? - Есть. По сухому пути полезли зимой восходители? – Да. По сухому меандру мы вниз стали ломиться? - По сухому. И про глину что-то там тоже было… Ну вот, всё сходится! Соединили. Ничего удивительного.

Справедливости ради надо заметить, что сами участники той зимней восходительской экспедиции 2015 года и по сей день не перестают удивляться невероятному совпадению, что из тринадцати различных притоков в Хрустальном меандре для восхождения в Банку ими был выбран единственно правильный. Мистика, везение, спелеологическое чутьё… «Татьянино чутьё», - говорят. Но сама она категорически утверждает, что всё это – целиком заслуга Виктора Шадрина. И вообще, Хрустальный меандр – его детище. Как бы то ни было, все они там молодцы.

А у меня в момент осознания соединения было чувство удовлетворения от наконец-то завершённого дела и некоторого облегчения. Но не полного. Очень хотелось (прошу прощения за откровенность и банальность!) отлить, а нужно было сделать ещё одну точку крепления навески. Кручу скорее гайку анкера и кричу Сене: «Я дошёл до

верёвки восходителей! Есть соединение!». Она несколько раз просит повторить. Потом слышу что-то невнятное, слов не разобрать. Наконец, понимаю фразу: «Нужна ли верёвка?». «Нет! – кричу. - Не нужна!» Верёвки мне хватает. Ну, вот и последняя точка готова. Спускаюсь на наклонное дно колодца.

Быстренько скачу на затёкших ногах в противоположную от встречной навески сторону, подальше от вертикали. Здесь в углу можно уже раскрутить дельту, не боясь свалиться в Снежную со следующего отвеса. Вот тут-то и приходит, наконец, чувство настоящего облегчения. Эх, были бы Рома или Яша рядом, поорали и поскакали бы как следует! Вскоре ноги вновь начинают слушаться, и можно не спеша подойти к краю нового колодца.

Дно недалеко, слышен обильный капёж и журчание ручья. Рука с карабином на коротком усе привычно тянется к «заячим ушам» восходителей... Но, стоп! К навеске из Снежной, ощутив вдруг метафизическую важность момента, я даже не прикасаюсь. Связать нашу верёвку с восходительской – финальный аккорд соединения пещер. И гораздо правильнее будет, подумалось мне тогда, если эту последнюю точку, пусть и формально, поставит человек, который вложил в исследование Банки больше всего усилий – Лёша Шелепин. Он всё это дело затеял с самого начала. Организовал и провёл в пещеру 12 экспедиций. Был не просто руководителем этих поездок, но и в большинстве случаев основной движущей силой. Кому, как ни ему, сделать теперь завершающий шаг!

17.08.15. ПБЛ-210. Андрей

Отхожу от края Снежной. Оставляю транс с остатками верёвки на полочке и поднимаюсь наверх к Сене. Она уже слегка озябла и очень рада моему возвращению. «Ну, как там?» - спрашивает напарница нетерпеливо. Начинаю рассказывать подробности, но вдруг замечаю, что Сеня как-то подозрительно недоверчиво на меня смотрит. «Соединили, что ли?» - неожиданно звучит новый вопрос. «Ну да… - несколько опешил я. – Я же кричал тебе снизу...» Оказывается, для Сени это большая новость. Не то, что кричал, а про соединение. Мы действительно поговорили с ней через 100 м по вертикали с пережимами, но каждый понял суть разговора по-своему. Из моих нечленораздельных сообщений Сеня уловила, что мне не хватило верёвки. А на её вопросы, много ли мне прислать, я отвечал что-то непонятное. Когда она уже совсем собралась стартовать вниз, я вдруг начал уверенно кричать, что верёвка мне не нужна. Уточнив на всякий случай ещё раз, нужно ли ей спускаться, и получив отрицательный ответ, Сеня несколько успокоилась и продолжила ожидание на полочке.

Рассказываю Сене свою версию событий. Она рада ещё сильнее. Но теперь больше всего на свете хочет домой, греться. Начинаем подниматься по навеске, и вскоре становится теплей. А потом и совсем жарко, как обычно.

Телефонный провод оказался протянут Лёшей до того места, где мы с Ромой остановились в июне. Сверху на остатках бухты в герме лежит телефон. Подсоединяем

его к линии и триумфально несколько раз давим на кнопку вызова. Нам отвечают сразу два абонента: Андрей и Настя. «Как дела?» - спрашиваю. У Андрея всё хорошо. Он живёт в ПБЛ-210 и копит силы для завтрашнего ударного труда. Настя с Петей уже на поверхности, радуются солнечному свету и птичим голосам. Лёша недавно выходил на связь, сообщил, что с телефонкой на сегодня заканчивает. Собирался двигаться в сторону ПБЛ и по дороге поколдовать немного над навеской. «Мы дошли до верёвки восходителей! – не в силах я больше терпеть. – Соединили пещеры!» - «Да?! Ура! Ура!!!» Какая неподдельная радость слышится с того конца (с тех концов, если быть совсем точным) провода! Искреннее торжество наших товарищей по поводу завершения общего дела. И ни тени досады или сожаления, что кому-то другим, а не им выпало снять пресловутые сливки. Я, не вру ни разу, испытал бы точно такие же чувства, поменяйся мы местами. Так и должно быть. Всё правильно. Трогательно до слёз.

Позже ребята признаются, что на самом деле не солнышко и птички побудили их в самый ответственный момент выйти из пещеры. (То-то я подумал: не сходится чего-то. Устали работать? Да на них ещё пахать и пахать можно! Кровь с молоком.) Они просто всерьёз начали опасаться, что вот-вот наткнутся на навеску восходителей. А справедливее будет, посчитали они, если пещеры официально соединим мы с Лёшей. Вот ведь конспираторы! Но приятно.

Рассказываю Андрею и Насте подробности. Мобильная связь доступна прямо в поверхностном лагере. С этого момента информация о нижнем входе в Снежную начинает стремительно распространяться по всему миру.

Лёшу мы встречаем минут через десять на Скотопрогонном колодце. Штурмовая навеска, оборудованная там Ромой, всё же излишне спортивна для хождения по ней с трансами, и Лёша пытается хоть как-то сгладить этот эффект. «Как дела?» - спрашивает он нас. «Мы дошли до верёвки восходителей!» - кричу. «Да-да, подождите немного! – как-то невпопад отвечает Лёша. – Сейчас я поправлю узлы и освобожу навеску!» Повторяется недавняя история с Сеней. Ошибка коммуникации.

17.08.15. ПБЛ-210. Лёша

Ручей падает в колодец рядом с Лёшей и сильно мешает акустическому восприятию действительности. Или с дикцией у меня сегодня что-то не так... «Лё-ша! – кричу я снова как можно членораздельнее. - Мы бы-ли в Снеж-ной!» На это раз фраза предельно проста, и её смысл доходит до адресата. «Да ну?! Здорово!» - восторженно-недоверчиво восклицает Лёша и начинает шевелиться побыстрее. Закончив с узлами, он спускается к нам. Отходит по перилам от края колодца в безопасное место, присаживается поудобнее и требует: «Рассказывай!» Пересказываю всё в подробностях в третий раз. Так получилось, что автор идеи нижнего входа в Снежную, вложивший в её реализацию больше всех сил, узнал об успехе позже остальных участников экспедиции. А то и позже многих других людей, находящихся в тысячах километрах от нас. Думаете, он расстроился? Да ничего подобного!

Новой тропой

…Хочется пожелать Алексею, наконец, добраться до завала Метростроя и прорубить окно в подвал дома в Дурипше!..

Даниил Усиков, CML #15345

На следующий день Лёша вышел на поверхность, чтобы оперативно организовать Первую «Ненастоящую» Экспедицию в Снежную. Через новоиспечённый нижний вход, то есть. Первоначально, чтобы не сглазить успешное соединение Банки со Снежной, подобные планы официально не озвучивались. Но в глубине души они, конечно, имелись ввиду. Как бы само собой так получилось, что и верёвки, и телефонного провода, и подземнолагерного снаряжения, и продуктов, разумеется, у нас в экспедиции оказалось в достатке. Последовали обстоятельные телефонные и очные переговоры с руководителями групп, исследующих пещерную систему в настоящее время. Были решены все этические и информационные вопросы. И уже вечером второго дня после соединения пещер, Лёша с Петей, Настей и Андреем радостно и деловито паковали трансы в лагере -210. У них получалось четыре мешка на четверых, и они планировали уже через несколько часов поставить ПБЛ в зале Содружества, открытом этой зимой экспедицией Виктора Шадрина. «Мечта спелеолога, - смеялись они. – В Снежную за один день с одним мешком на человека!».

Сборы в Снежную

Правда, по дороге им предстояло подцепить ещё по одному мешку на каждого. Провод, шанцевый инструмент, верёвка, железо… Да и с лагерем не всё так радужно вышло. Оказалось, что зал Содружества представляет собой дно двух параллельных колодцев. Дно первого (если сверху считать) – это докуда я спустился, место соединения на -520 м, - наклонная полка, сверху всё очень хорошо летит прямо на неё. Тут лагерь ставить нельзя. Дно второго – внизу 10 метрового уступа (-530 м), сверху которого я глядел на Снежную. Места там под палатку тоже нет, да ещё и капает прилично. Об этом я узнал лишь вечером, уже на поверхности. Друзья по телефону с места событий с негодованием предъявили мне претензию, какого же резона, соединив пещеры, я сразу пошёл наверх, а не спустился дальше вниз с уступа, не разведал всю обстановку и не предупредил их о коварстве зала Содружества, где они через два дня собрались было ночевать. Вот ведь! Художника легко обидеть…

Да и сакральность момента соединения пещер, так волновавшая меня, была пущена коту под хвост. Пока Лёша где-то далеко наверху разматывал телефонный провод, кто-то

из его молодых спутников из соображений соблюдения правил безопасности мимоходом вщёлкнул «баночный» узел в «снежный» карабин и быстро проскочил мимо места соединения дальше. Не будем показывать пальцем (хотя это был Петя). Справедливости ради заметим, что такая последовательность участников - осознанный выбор Лёши. Я совсем не обижаюсь на уставших друзей. Прагматики! Они нашли-таки в зале Содружества место под лагерь. До него, правда, нужно карабкаться по стене несколько метров вверх. Тем не менее, ближе к пяти утра лагерная площадка была готова. Четыре человека как-то укладываются. Аморфный глиняный пол принимает форму размещённых на нём на ночлег тел. Рядом висит специальная верёвочка с узелками, чтобы в туалет или за водой можно было ходить без обвязки. Лагерь получил название «Мягкое гнездо». Несмотря на его сомнительное удобство и наличие в получасе ходьбы отличного большого места под ПБЛ в Хрустальном меандре (это сейчас, правда, полчаса, а тогда ещё предстояло поработать кувалдой и походить в гидрах), лагерь этот пользовался спросом и у последующих групп исследователей Снежной. Но это уже совсем другая история.

«Момент соединения». Лукавое искусство

Колодец с двумя полками от низа Пушистика до зала Содружества назвали «Очаровашкой». Это по мотивам спелеоанекдота про двух девушек и их розовые трансики. Были разные другие варианты, но в конце концов остановились на этом.

А торжественный момент соединения навесок с Лёшей в главной роли всё-таки состоялся. Пусть и задним числом. Его на следующий же день разыграли на нужном месте и засняли на видео в нескольких вариантах. Синематограф - лукавое искусство.

Как бы то ни было, для нас с Сеней эта экспедиция уже закончилась. Сбросились мы вниз и уехали в Москву. Группа Дегтярёва в полном составе перебазировалась, наконец, к Самохвату. Через пару дней планово поразбежались по своим городским работам герои-первопроходцы Петя и Андрей. Остался Саша Гусев сидеть в поверхностном лагере «на хозяйстве» в одиночестве. Из-под земли ему периодически позванивали Лёша с Настей. Обозначали своё безаварийное состояние, сообщали о достижениях, спрашивали про погоду. Пещерную информацию Саша охотно транслировал всем интересующимся на «Большую Землю». На наши регулярные запросы от него исправно приходили SMS-ки. «Под землёй паводок. Всё хорошо». «Сварил себе супчик. Книжка про Ван Гога почти закончилась». «Вчера с лугов через наш лагерь несанкционированно сбросилось стадо буйволов. Сегодня Гурам, чертыхаясь, забросил его обратно наверх». Несколько долгих дней скучал в лесу Саша в одиночестве. Перечитывал прессу и литературу, забазированную в дупле большого бука разными людьми в разные годы. Мастерил

каменные дротики. Полдня сталкивал нос к носу (или что у них там?) большого паука и большого кузнечика. Бедные беспозвоночные ни спариваться, ни биться друг с другом отчаянно не хотели и разбегались в разные стороны. Но Саша был настойчив. В конце концов паук, поняв, что иного пути к свободе у него нет, сожрал-таки товарища по несчастью. А там вскоре и Яша на сброску подоспел.

Река Снежной в паводок

Лёша с Настей сходили в тот раз в Снежную до реки, развесив по дороге весь имеющийся телефонный провод (не хватило метров триста). Причём, попали внизу в большой паводок. В пещеру с этой стороны ещё никто не проникал, тем более так быстро и глубоко, - она вполне имела право обидеться и не пустить дальше. Посмотрели экспедиционеры из безопасного места на поднявшуюся метров на пять воду перед Ревущими Каскадами (от входа Банки это порядка 600 м по глубине получается), поплевали свысока в бурлящие потоки и через пару дней неспешно и благополучно выбрались на поверхность. Правда, на подъёме их внезапно настиг второй мощный паводок, так что даже пришлось задержаться в лагере - 210 на денёк… Тем не менее, короткая дорога из зоны леса почти прямо на дно Снежной была протоптана и официально открыта. На этом, собственно, и завершилась история прохождения Банки.

Да, кстати. Официально пещера стала Банкой лишь пару месяцев спустя. Хотя вопрос с названием был поднят уже пару лет как. Долгое время некоторым казалось, что привычное рабочее название «Банка» или «На Банке», нравившееся многим участникам Лёшиных экспедиций, как-то диссонирует с солидным именем пещерной системы. «Иллюзия-Меженного-Снежная-Банка» – несколько странновато, не правда ли? Одно время Лёша хотел назвать пещеру «Лесной». Но, к сожалению, такое название уже есть у другой пещеры. Хватит с нас десятка Юбилейных, даёшь оригинальные имена! Осенью же 2015 вопрос встал очень остро. Спелеообщественность решительно требовала ответа, как называть нижний вход в третью по глубине пещерную систему мира. Хватит тут всем уже неопределённости с названием глубочайшей пещеры! Только ленивый спелеономаст не предложил тогда своего варианта. И всё громче и громче со всех сторон стала звучать идея, увековечить в названии пещеры имя главного героя. Ну, или хотя бы фамилию. Тут Лёша, ощутив реальную угрозу своей скромности, наконец-то сдался: «Да Банка, Банка пещера называется. Отстаньте уже!» Так вот.

Уже через четыре месяца после соединения, зимой 2015-2016, на дно Снежной через нижний вход рвануло беспрецедентное количество спелеогрупп. Более полусотни человек отметились на бывшем Полюсе Недоступности Земли. Пещера в донной части заметно после этого «выросла» вширь и вверх, но прохода вглубь, к сожалению, так и не было найдено. А летом 2016 не сдалась пещера и группе Алексея Шелепина. Кавалерийские наскоки не прошли даже у самых фартовых будёновцев.

А что же вы ожидали? Было бы всё просто, Снежную прошли бы дальше ещё в конце 80-х годов прошлого века. Тогда первопроходцы исследовали пещеру не двухнедельными вылазками, характерными для современной интегрированной в Западный образ жизни спелеологии, а посвящали этому гораздо большее время. Энтузиазму спелеологов тех лет остаётся только завидовать. А Банка – это не ключ к загадке продолжения пещеры, но возможность лишний раз попытаться её разгадать. Хочется верить, что количество попыток обязательно перерастёт в качество. Всё больше и больше по-настоящему заинтересованных людей раз за разом будут расширять свои познания о донной части Снежной. И что время от времени наше спелеосообщество ещё будут потрясать сенсационные известия о новых глубинах и горизонтах этой пещерной системы. Как говорили древние: «Дорогу осилит идущий».

За соединение! Ура!

Постлюдия

Ты кончил?.. чуть я не уснул.
Николай Некрасов,
«Поэт и гражданин»

Уф!.. Гора с плеч – конец уже виден отчётливо. Какое же сомнительное удовольствие эта графомания! Одно дело – травить байки доверчивым слушателям в поезде под пиво, а совсем другое – набить свой рассказ на компьютере (как во времена Гоголя жгли глаголом гусиными перьями и чернилами, даже страшно представить). Причём не просто текст, а более-менее последовательную историю. Ещё и без ошибок желательно. Как грамматических-орфографических-пунктуационных, так и фактических. Показывать потом получившееся нечто фигурантам событий на предмет достоверности описания. Согласовывать этические моменты – не обо всём, что в действительности было и с удовольствием вспоминается за разговорами в узком кругу, принято публично рассказывать. А самое мучительное, просто до зубовного скрежета, - втискивать живую свободную разговорную речь в узкие рамки литературной. Хорошо ещё, что не надо на английский этот текст переводить. Ну да ладно! Всё уже позади, можно теперь и расслабиться.

Пару слов ещё осталось сказать в защиту молодого спелеолога Фёдора, провокационные слова которого о *** с англичанами эффективно стимулировали вялотекущий процесс написания сего произведения. Не так уж он неправ, как могло показаться. Дело в том, что зимой 2015-2016 Пенистый завал не выдержал грубого натиска многочисленных групп вожделенных спелеологов, беспардонно снующих в его теле туда-сюда с бесчисленными трансами, и, оправдав своё название, таки обвалился. И перекрыл оставшимся в пещере короткий путь из Снежной наверх. Оставшиеся, к слову, не без труда, но вполне благополучно откопались и выбрались на свободу самостоятельно. А пару дней спустя очень известный спелеолог *** с группой товарищей снова раскопал Пенистый завал до очередного «вполне устойчивого» состояния. И один англичанин там тоже был. Неплохой, в общем-то, англичанин – нырнул потом в озеро Морозова, проплыл там с аквалангом куда-то далеко. Так что нет дыма без огня, и все мы здесь молодцы.

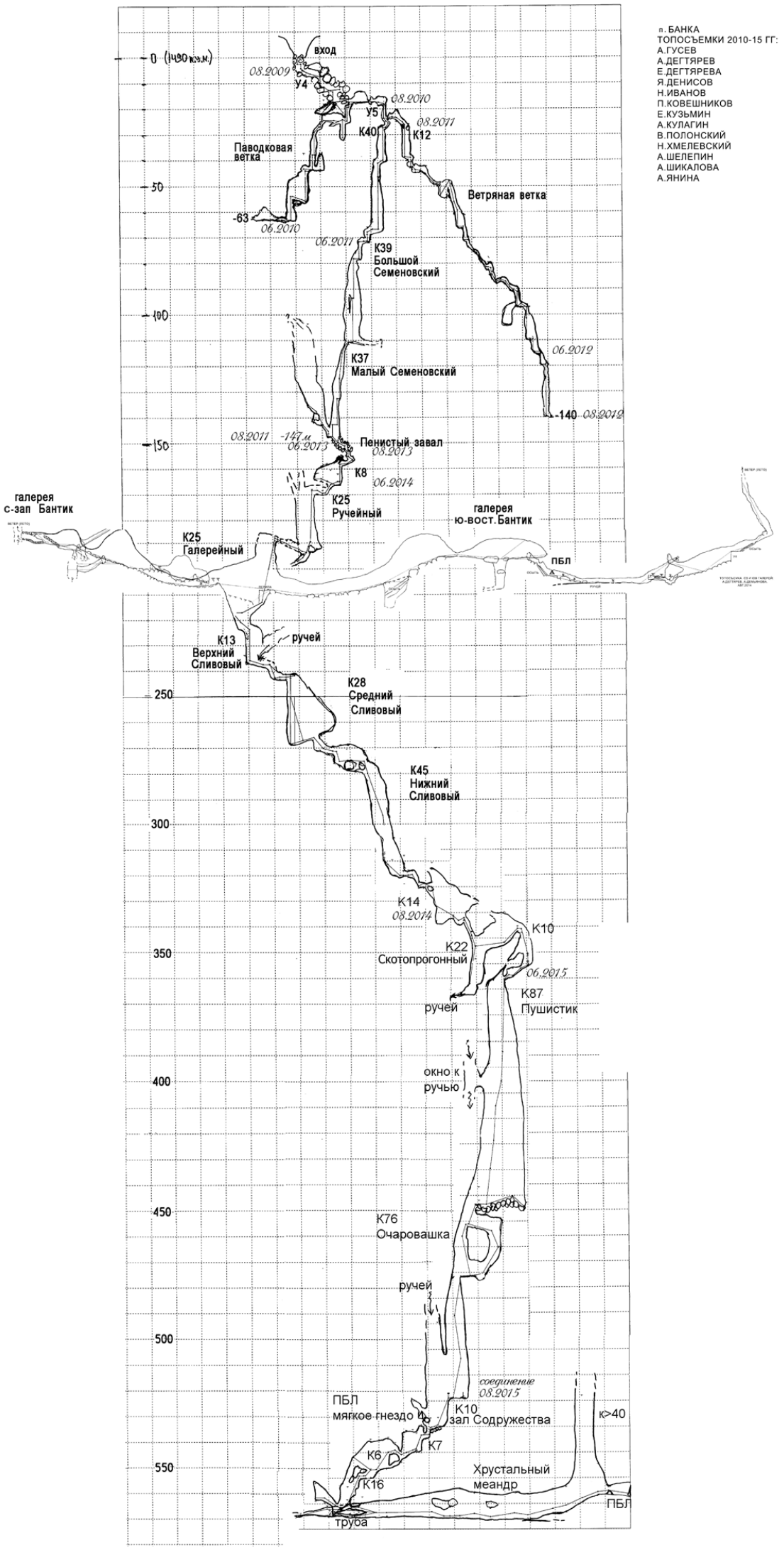
Некоторые дотошные читатели, может быть, скажут, что, мол, тема-то до конца не раскрыта. О самом интересном – кто, когда, с кем, как и сколько раз, - практически ни слова. Ха! Так ведь среди интеллигентных людей, а тем более в достаточно узком спелеологическом кругу, истории такие писать не принято. Они передаются из уст в уста под рюкзаками на заброскаx, под звёздным небом на альпийских лугах, в тесноте ПБЛ-ной палатки и т.п. Присоединяйтесь! Ловите момент – может, и услышите. А то и своими историями поделитесь. С удовольствием послушаем. Может быть, ваши и поинтереснее окажутся.

Ну и уж совсем напоследок стоит напомнить об уже протоптавшем дорогу в чащу Андрее Шувалове с его Фантазией, о настойчивом Саше Дегтярёве с Каньоном-Самохватом, о неутомимой Татьяне Немченко со всей зоной леса, о Трубе с Бородой за хребтом и о других исследователях и проектах. Время не стоит на месте. Быть может, уже совсем скоро нижних (а то и верхних) входов у системы Снежной прибавится, и новые пещеры и истории затмят блеск Банки. Ну что же – дай Бог! А лично я, наконец, в угоду собственной скромности считаю свою миссию по освещению вопроса прохождения пещеры Банка завершённой.

Огромная благодарность друзьям за ценные замечания и идеи, возникшие в ходе работы над этим рассказом. И за отличную компанию в экспедициях, конечно же. До встречи «в полях»!

Весна-осень 2016 г.

Фото: Алексей Шелепин, Николай Иванов, Оксана Полевская, Татьяна Ковалёва, Сергей Панфёров, точно не установленные авторы, а также понадёрганы из экспедиционного видео и Интернета.
Обработанная топосъёмка предоставлена Алексеем Шелепиным.


п. БАНКА
ТОПОСЪЕМКИ 2010-15 ГГ:
А.ГУСЕВ
А.ДЕГТЯРЕВ
Е.ДЕГТЯРЕВА
Я.ДЕНИСОВ
Н.ИВАНОВ
П.КОВЕШНИКОВ
Е.КУЗЬМИН
А.КУЛАГИН
В.ПОЛОНСКИЙ
Н.ХМЕЛЕВСКИЙ
А.ШЕЛЕПИН
А.ШИКАЛОВА
А.ЯНИНА
0 (1490 к.м.)
вход
08.2009
У4
08.2010
У5
08.2011
К40
К12
Паводковая ветка
Ветряная ветка
50
-63
06.2010
06.2011
К39
Большой Семеновский
100
К37
Малый Семеновский
06.2012
-140
08.2012
150
08.2011 -147 м
06.2013
Пенистый завал
08.2013
К8
06.2014
К25
Ручейный
галерея с-зап Бантик
галерея ю-вост. Бантик
К25
Галерейный
ПБЛ
К13
Верхний Сливовый
ручей
250
К28
Средний Сливовый
К45
Нижний Сливовый
300
К14
08.2014
К10
350
К22
Скотопрогонный
06.2015
К87
Пушистик
ручей
окно к ручью
400
450
К76
Очаровашка
ручей
500
соединение
08.2015
ПБЛ
мягкое гнездо
К10
зал Содружества
к>40
К7
К6
550
Хрустальный меандр
К16
ПБЛ
труба